

РОЖЖЕНИЕ ЗМЕЙ

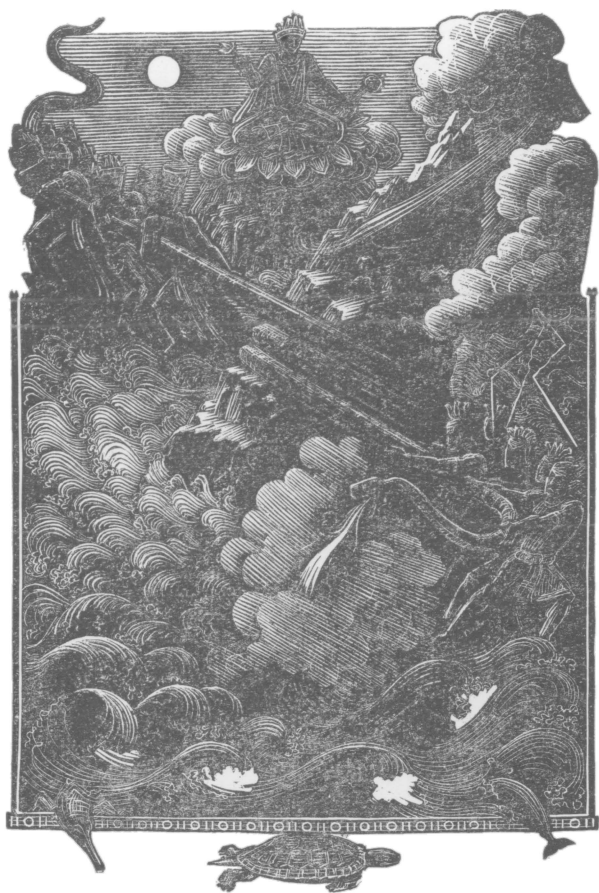
СКАЗАНИЕ

ИЗ ИНДИЙСКОГО ЭПОСА

МАХАБХАРАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

СОЖЖЕНИЕ ЗМЕЙ

СКАЗАНИЕ
ИЗ
ИНДИЙСКОГО ЭПОСА

ममखमभ्रमैरुमणम

Перевод с санскрита,
предисловие и редакция
В. И. КАЛЬЯНОВА

Вольное переложение в стихах
Семена ЛИПКИНА

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958

Комментарии
Вл. БЫКОВА

Гравюры художника
М. ПИКОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Махабхарата» представляет собой грандиозный и наиболее важный памятник индийского героического эпоса. В переводе на русский язык «Махабхарата» означает «Великое сказание о потомках Бхараты» *, или «Сказание о великой битве бхаратов». «Махабхарата» — героическая поэма, состоящая из 18 книг, или парв. Приложением к ней является 19-я книга — «Хариванша», то есть «Родословная Хари», которая по существу является пураной (преданием) и посвящена божеству Вишну *. В нынешней своей редакции «Махабхарата» содержит свыше ста тысяч шлок, или двустихий. По объему она более чем в четыре раза превосходит другую индийскую эпическую поэму — «Рамаяну» и в восемь раз — «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, взятых вместе.

Еще задолго до создания двух больших эпических циклов «Махабхараты» и «Рамаяны» существовали древние сказания и легенды, а может быть, и целые поэмы, обломки которых были впоследствии включены в эти эпические творения. «Махабхарата», как и «Рамаяна», не могла возникнуть на пустом месте. Она появилась в результате длительного периода развития эпического творчества. Многие предания и легенды, а также имена героев, встречающиеся в «Махабхарате», упоминаются еще в ведической литературе *.

В создании эпической поэмы «Махабхараты» принимали участие представители разных народов и разных каст * древней Индии. Существует мнение, что поэма в основе своей, как результат народного творчества, была первоначально создана на

различных народных языках, или пракритах, и впоследствии была переведена с пракритов на санскрит.

Согласно индийской литературной традиции, «Махабхарата» считается единым произведением, а ее авторство приписывается легендарному мудрецу Кришне-Двайпаяне Вьясе. Однако, по свидетельству самой «Махабхараты», существовала и первоначальная краткая редакция этой поэмы, состоящая из двадцати четырех тысяч шлок. Эта редакция составляет основное ядро поэмы, где излагается главное сказание эпопеи, посвященное истории непримиримой вражды между кауравами и пандавами — сыновьями двух братьев: Дхритараштры и Панду. Согласно сказанию, в эту вражду постепенно вовлекаются многочисленные народы и племена Индии, северной и южной. Она завершается страшной, кровопролитной битвой, в которой находят гибель почти все ее участники. В этой борьбе победу одерживают пандавы. Они объединяют страну под своею властью.

Таким образом, главной идеей основного сказания «Махабхараты» является политическое единство Индии. Благодаря именно этой идее «Махабхарата» на протяжении многих веков своего существования остается близкой и понятной широким слоям индийского общества. «Собрав в единое целое предания из различных частей страны, — пишет С. Радхакришнан, — «Махабхарата» становится национальной эпической поэмой. Она обращалась ко всем без различия в Бенгалии или Южной Индии, в Пенджабе или Декане. Целью «Махабхараты» было удовлетворить народный разум, и достигнуть этого можно было, лишь приняв народные предания. «Махабхарата» обобщила все древние верования и традиции нации. Она настолько всеобъемлюща в своем охвате, что существует даже народная поговорка: «Того, чего нет в «Махабхарате», не найдешь и в стране бхаратов». Собрав вместе общественные и религиозные идеи различных народов, расположенных в пределах Индии, «Махабхарата» пытается запечатлеть в умах людей идею коренного единства Бхаратаварши» *1.

Основное ядро поэмы, по-видимому, было создано в эпоху расцвета рабовладельческого строя представителями военной

---

¹ С. Радхакришнан, Индийская философия, т. I, перевод с английского, Издательство иностранной литературы, М., 1956, стр. 407.

касты, или кшатриями. Оформление основного сказания следует отнести предположительно к началу первого тысячелетия до н. э. (X—VIII вв.).

Главная тема сказания была с течением времени осложнена всевозможными наслоениями, увеличившими объем поэмы до нынешних размеров. Путем традиционного, излюбленного приема инкорпорации в состав «Махабхараты» были включены отдельные сказания, легенды и мифы, восходящие к ведическому периоду, различные сказания, поучительные рассказы, а также басни и притчи и вообще богатейший фольклорный материал, в создании коего могли принимать участие представители самых широких слоев общества. Эти сказания и легенды, большая часть которых восходит к глубокой древности, ярко и красочно характеризуют социальные и моральные устои древнего индийского общества. Они всегда приводятся в изложении основного ядра поэмы как материал иллюстративный и поучительный. Одно из этих сказаний в переводе В. А. Жуковского получило у нас широкую известность под названием «Наль и Дамаянти» (1844). Перевод этот вошел в сокровищницу русской литературы. А в 1898—1899 годах на этот же сюжет композитором А. С. Аренским была написана опера.

В дальнейшем «Махабхарата» подверглась значительной переработке брахманами, представителями жреческой касты. Стремясь закрепить основы социального кастового строя и внедрить в сознание народа идею сверхбожественного происхождения брахманов, они нашли в «Махабхарате» удобную форму популяризации своих идей и использовали эпос для возвеличения своей касты. Брахманы внесли в «Махабхарату» различные рассуждения религиозного, философского, правового и морально-нравоучительного характера, отвечавшие их кастовым интересам. Редактирование и идеологическое оформление материала, вошедшего в «Махабхарату», проводилось брахманами в течение длительного времени. Начатая приблизительно в VI—V веках до н. э., когда рабовладельческий строй переживал в Индии жестокий кризис, эта работа была в основных чертах закончена в первые века нашей эры.

Брахманы стремились использовать эпос в своей борьбе с кшатриями за преобладание в обществе, а позднее — и в борьбе с новыми мировоззрениями в форме буддизма* и джайнизма*, которые сложились в результате мощного движения протеста широких масс, направленного прежде всего

против прерогатив брахманства, против кастового строя и его идеологии — брахманизма.

За огромный период своего развития «Махабхарата» превратилась в сокровищницу индийской мысли. Поэтому она пользуется среди индийского народа большой популярностью и непререкаемым авторитетом. Основные элементы содержания «Махабхараты» и основные идеи ее стали известны широким массам населения Индии благодаря тому, что при торжественном исполнении «Махабхараты» содержание прочитанного на санскрите излагалось потом на народном языке соответствующей провинции Индии. Таким образом, популяризация «Махабхараты», равно как и «Рамаяны», имела огромное историческое значение для развития идеи культурного единства в сознании многочисленных многоязычных народов Индии. Поэтому в течение двух последних тысячелетий «Махабхарата» играла в культурной жизни Индии весьма важную роль. «Как бы велика и любима народом ни была «Рамаяна» как эпическая поэма, — пишет Джавахарлал Неру, — именно «Махабхарата» является одной из величайших книг мира. Это колоссальный труд энциклопедия преданий, легенд, политических и социальных институтов древней Индии»¹.

«Махабхарата» была постоянным источником, откуда многие поэты и писатели древней и средневековой Индии черпали сюжеты своих произведений. Имя великого поэта Калидасы * пользуется широкой известностью далеко за пределами его родины. В основу его знаменитой драмы «Шакунтала» был положен эпизод из «Махабхараты» «Сказание о Шакунтале». Известное влияние «Махабхараты» оказала и на развитие новоиндийских литератур. Вплоть до настоящего времени поэты и писатели Индии продолжают черпать из этого неиссякаемого источника идеи, темы, сюжеты, образы и изобразительные средства. На многих индийских языках, как индоарийских, так и дравидийских, имеются переводы этого памятника. Существуют две редакции «Махабхараты»: северная и южная. Различие между ними состоит в последовательности отдельных эпизодов и в отсутствии или наличии позднейших вставок. В настоящее время имеется критическое издание «Махабхараты», которое начало выходить в Пуне (Индия) с 1927 года. В основу его по-

---

¹ Джавахарлал Неру, Открытие Индии, перевод с английского, Издательство иностранной литературы, М. 1955, стр. 108.

ложены две версии, а именно: существующие издания и рукописи, представленные как северной, так и южной редакциями.

На русском языке в разное время были опубликованы переводы отдельных отрывков из «Махабхараты», сделанные непосредственно с санскрита: «Песнь Налы из Махабхараты» (1835) и «Похищение Драупадии» (1841) — в переводе П. Я. Петрова; «Сундас и Упасундас» (1844) — К. А. Коссовича и «Сунд и Упасунд» (1851) — в метрическом переводе Н. Берга; «Наль и Дамаянти» (1851, 2-е изд. 1862) — в метрическом переводе Игнатия Коссовича. Кроме того, к известной работе И. П. Минаева «Очерк важнейших памятников санскритской литературы», опубликованной в 1880 году, были приложены четыре отрывка из «Махабхараты» в его переводе: 1) «Как Драупади была проиграна», 2) «Драупади в собрании», 3) «Вмешательство слепого отца» и 4) «Пандавы удаляются». Совсем недавно в Ашхабаде опубликовано несколько эпизодов из «Махабхараты»: «Сказание о Нале» и «Супружеская верность» (1955), «Бхагавадгита» (1956), «Горец» (Кайрата), «Восхождение на небо Индры», «Сказание о Раме», «Книга Санатсуджаты» и «Путешествие Бхачавана» (1957) — в свободном метрическом переводе Б. А. Смирнова.

Только в советский период был начат полный академический перевод «Махабхараты» на русский язык. Первая книга этого памятника (Адипарва) в переводе автора этих строк вышла в свет в 1950 году¹. В настоящее время продолжается работа над переводом второй книги.

Вот краткое изложение основного сказания «Махабхараты» в той его части, которая содержится в Адипарве.

В стране царствует могущественный царь Шантану, сын Пратины, происходящий из лунного рода Куру. Однажды, охотясь на берегу реки Бхагиратхи (Ганги) *, он встречает юную деву божественной красоты. Шантану пленяется ее красотой и предлагает ей свою любовь. Красавица соглашается, но только с одним условием: что бы она ни делала, он не должен останавливать ее или осуждать. Царь Шантану принимает такое условие, и они живут счастливо долгие годы. Но вот у них в разное время рождаются семеро мальчиков, и каждого из них красавица мать топит в Ганге, приговаривая: «Я радую тебя».

---

¹ Ма х а б х а р а т а, Адипарва, книга первая, перевод с санскрита и комментарии В. И. Кальянова, под редакцией академика А. П. Баранникова, Издательство Академии наук СССР (Литературные памятники), М. — Л. 1950.

Когда же рождается восьмой мальчик и мать собирается поступить с ним так же, Шантану противится этому и вопрошает ее, кто она и зачем это делает. Его супруга объявляет ему, что она — сама богиня Ганга, принявшая человеческий облик, а восемь сыновей ее — это восемь божеств-Васу, которые вследствие проклятия мудреца Васишти должны были родиться на земле. И они избрали своей земной матерью богиню Гангу, воплотившуюся в прекрасную женщину, а отцом — царя Шантану. Утопив своих сыновей, богиня Ганга возвратила их обратно на небо, в царство бога Индры, но восьмой из них, удержанный отцом, остался на земле как сын Шантану. Богиня Ганга поручает царю воспитание сына, а сама, по условию, покидает мужа. Сын Ганги растет мудрым и могучим. Он овладевает искусством оружия и получает прозвище «Бхишма», то есть «Грозный». Он наследник престола Шантану, ибо он герой, одаренный всеми добродетелями.

Но вот однажды царь Шантану отправляется на охоту и встречает прекрасную Сатьявати, дочь царя рыбаков, которая тайно, на острове, родила от мудреца Парашары сына Двайпаяна-Вьясу. Шантану влюбляется в нее и хочет жениться. Но ее отец, царь рыбаков, согласен выдать свою дочь за царя Шантану только при соблюдении одного условия: сын, который родится у нее от Шантану, будет наследником престола. Царь Шантану не может дать такого согласия, так как у него уже есть наследник в лице Бхишмы, сына Ганги. Не будучи в силах отказаться от прекрасной Сатьявати, он предается печали. Бхишма замечает угнетенное состояние своего отца и от его советников узнает о причине его горя. Тогда он сам отправляется к царю рыбаков и сватает Сатьявати за своего отца. В ответ на условие ее отца Бхишма не только отрекается от своего права наследовать царство, но и дает обет безбрачия во избежание возможности иметь своего собственного наследника. Царь рыбаков отдает свою дочь, и Шантану женится на Сатьявати. У них родятся двое сыновей: Читрангада и Вичитравирья.

После смерти царя Шантану гибнет в страшной битве с могучим гандхарвой* и старший его сын Читрангада. Тогда Бхишма посвящает на царство Вичитравирью. Но Вичитравирья предается удовольствиям и наслаждениям и умирает бездетным, оставив двух юных жен Амбику и Амбалику. Озабоченная мыслью, что род Куру может угаснуть, Сатьявати просит

Бхишму произвести потомство от жен Вичитравирьи. Бхишма отказывается, так как он дал обет безбрачия. Тогда Сатьявати вспоминает о своем внебрачном сыне Двайпаяна-Вьясе, рожденном на острове. С одобрения Бхишмы она призывает Вьясу и, когда тот является перед ней, просит его позаботиться о продолжении рода Куру, так как сын ее Вичитравирья не оставил потомства. Вьяса соглашается исполнить желание своей матери и предлагает, чтобы обе ее невестки совершили очистительные обряды. В назначенный час он приблизился к царице Амбике, старшей супруге Вичитравирьи. Но так как Вьяса был страшно безобразен и издавал дурной запах, то она при виде его закрыла глаза от страха. Вследствие этого ребенок у нее родился слепым. И он был назван Дхритараштрой. Когда же Вьяса приблизился к Амбалике, младшей царице, она только побледнела. От этого ребенок у нее родился бледным и был назван поэтому Панду («Бледный»). Вьяса захотел второй раз приблизиться к Амбике, но, когда он вошел в ее покои, то вместо нее его приветливо встретила служанка Амбики, которую та подслала к нему. У служанки родился мальчик, получивший имя Видура. Он явился воплощением Дхармы, бога справедливости и правосудия, которому, вследствие проклятия мудреца Анимандави, определено было родиться на земле от женщины-шудры*. И поэтому мудрый Видура выступает всюду в «Махабхарате» как олицетворение справедливости.

Пока мальчики растут и воспитываются, царством управляет Бхишма. Затем царем становится Панду, поскольку старший его брат Дхритараштра родился слепым. Дхритараштра женится на Гандхари, дочери царя Гандхары. От нее у него родились сто сыновей и одна дочь. Старшим среди них был Дурьйодхана, коварный и властолюбивый. У Панду было две жены: Кунти, дочь Шуры, царя ядавов, и Мадри, сестра Шальи, царя мадров. До своего замужества Кунти имела внебрачного сына Карну, тайно рожденного ею от бога Солнца, но воспитанного царским возницей Адхиратхой и его супругой Радхой. Панду не имеет своего потомства: вследствие проклятия отшельника Киндамы он не мог приближаться к своим женам и вынужден был удалиться в отшельничество на Гималаи. Жены не покидают его и отправляются вместе с ним. Мучимый сознанием своего долга, Панду просит старшую свою супругу Кунти приобрести потомство от другого мужчины. Кунти объявляет ему, что еще во время своего девчества она получила от одного великого

мудреца дар вызывать богов ради получения потомства. С одобрения Панду она вызывает сначала Дхарму, бога правосудия, и родит от него сына Юдхистхиру, потом — Ваю, бога ветра, и родит от него Бхимасену, и, наконец, она вызывает Индру, бога-воителя, и родит от него сына Арджуну. По просьбе Мадри, которая тоже хочет иметь потомство, Кунти дает ей возможность вызвать бога, но только один раз. Мадри вызывает близнецов Ашвинов, богов утренней и вечерней зари, и родит от них двух сыновей: Накулу и Сахадеву. Все пятеро сыновей считаются сыновьями Панду и зовутся пандавами.

Однажды Панду бродил в прелестном уголке цветущего леса в сопровождении Мадри. Глядя на нее, чарующую красотой, Панду возгорелся желанием и забыл о проклятии отшельника. Он приближается к Мадри, насильно овладевает ею и расстается с жизнью. Мадри в великом горе восходит на погребальный костер и сжигает себя вместе с телом своего любимого супруга. С детьми остается Кунти. Отшельники проводят их в Хастинапур ко двору Дхритараштры, который после смерти Панду становится царем. Принятые под опеку своего дяди — Дхритараштры, пандавы воспитываются вместе с его сыновьями, изучают веды и военную науку.

Своими достоинствами и замечательными успехами пандавы возбуждают зависть у двоюродных братьев. Особенную неприязнь вызывает Бхима, самый сильный из пандавов. То, играя в воде, он обхватывал руками по десять мальчиков и, погрузившись с ними, сидел в воде, а затем отпускал их полумертвыми. То, когда кауравы взбирались на деревья, он стряхивал их оттуда вместе с плодами. Особенно ненавистен Бхима Дурьйодхане, который всячески стремится погубить его. Однажды, когда Бхима, опьяненный вином, заснул на берегу Ганги, Дурьйодхана, связав его лианами, столкнул в воду. Но Бхима разорвал путы и выплыл на берег. В другой раз, когда он заснул, Дурьйодхана сделал так, что ядовитые змеи искусили его. Однако Бхима проснулся невредимый и задушил всех змей. Наконец, Дурьйодхана подсыпал в пищу Бхиме сильный змеиный яд, но Бхима, хотя и знал об этом, съел ту пищу и невредимо переварил яд.

Двоюродные братья — пандавы и кауравы, особенно старательно изучают военное искусство. Их учителями становятся два брахмана: сначала Крипа, а затем Дрона, наиболее прославленный и искусный в военной науке. Вместе с царевичами

обучаются Ашваттхаман, сын Дроны, и Карна, внебрачный сын Кунти. Наибольшего совершенства в военном искусстве достигает Арджуна, который становится любимцем Дроны. С помощью его и других царевичей Дрона побеждает царя Друпату и возвращает себе полцарства, ранее ему обещанного. По окончании учения устраиваются состязания в присутствии царя Дхритараштры и всей знати. Больше всех отличается Арджуна. Никто не может сравниться с ним, кроме Карны, который вызывает его на состязание. Дурьйодхана, ненавидящий пандавов, торжествует. Но Арджуна не принимает вызова, ибо Карна — сын возницы.

Вскоре Юдхиштхира объявляется наследником престола. Четверо других пандавов совершают великие подвиги, покоряя соседних царей. Победями пандавов сильно озабочен царь Дхритараштра, ибо его племянники превзошли его сыновей. Он оказывает поддержку Дурьйодхане, который вместе с братьями составляет заговор против пандавов. Дхритараштру уговаривают под благовидным предлогом отправить пандавов вместе с матерью в город Варанавату. Под наблюдением Пурочаны, советника Дурьйодханы, в Варанавате, расположенном в отдаленной лесной области, был выстроен смоляной дом. Враги пандавов замыслили, когда наступит удобный случай, поджечь ночью этот дом и таким образом погубить их. Но мудрый Видура, дядя пандавов, на языке млеччхов предупреждает об этом Юдхиштхиру. Жители города Варанаваты радушно встречают пандавов вместе с матерью. Пандавы поселяются в смоляном доме и с помощью землекопа, присланного предусмотрительным Видурой, тайком прорывают подземный ход из своего дома. И вот однажды ночью пандавы поджигают дом и вместе с матерью скрываются через подземный ход. В доме остались коварный Пурочана и одна охмелевшая женщина вместе с пятью сыновьями, которая попала туда по случаю угощения, данного Кунти. Когда были обнаружены их обгорелые тела, то все решили, что это пандавы вместе с матерью.

Все считают пандавов погибшими в огне. А между тем они скитаются по дремучим непроходимым лесам, где с ними происходят различные приключения. Опасаясь преследования со стороны сыновей Дхритараштры, они передвигаются по ночам, усталые и голодные, питаются только кореньями и плодами. Однажды Бхима приводит их, измученных усталостью и жаждой и одолеваемых сном, к развесистому баньяновому дереву,

оставляет их отдохнуть, а сам отправляется на поиски воды. Он находит озеро. Утолив свою жажду и искупавшись в озере, он приносит воду в своем верхнем платье, но застает мать и братьев спящими. Видя, что его нежная мать и достойные братья спят на голой земле, Бхима сетует на свою судьбу и становится на страже.

Неподалеку от того места обитал ракшас (злой полубог) по имени Хидимба. Он чувствует человеческий запах, видит спящих пандавов и велит своей сестре Хидимбе разведать, что это за люди. Явившись туда и увидев Бхимасену, стройного и высокого, как ствол дерева шала, она влюбляется в него. Приняв облик прекрасной женщины, Хидимба обещает Бхиме, если он полюбит ее, спасти его и братьев от лютого ракшаса-людоеда. Бхима говорит, что он не боится ракшасов. Появляется ракшас Хидимба и хочет убить свою сестру. Бхима заступает за нее, вступает в бой со страшным ракшасом и после тяжелой борьбы убивает его. Он хочет убить и сестру ракшаса, но Юдхиштхира удерживает его. Бхима соглашается проводить с ней время. По уговору Хидимба могла развлекаться с ним лишь до захода солнца, а с наступлением сумерек должна была отпускать его домой. Хидимба услаждала пандаву, унося его в чудесные уголки лесов и гор и принимая дивные образы, и родила ему сына, могучего демона-ракшаса, ужасного и страшного видом. Родив Бхимасене сына, Хидимба покинула его, а Гхатоткача, ее сын, быстро вырос и, попрощавшись с пандавами, отправился на север, пообещав явиться, когда он им будет нужен.

Пандавы под видом отшельников продолжают свои странствия по лесам. Наконец они приходят в город Экачакру и поселяются в доме одного брахмана. Днем пандавы выпрашивают милостыню, а вечером приносят собранное подаяние и отдают его своей матери Кунти. Она же делит все, что собрали они, на две равные части. Одну она отдает могучему Бхиме, а другую — всем остальным. Однажды Кунти и Бхима услышали стоны и сетования, шедшие из дома брахмана, их хозяина. Брахман решил умереть, чтобы сохранить жизнь жены и детей. Жена настаивает, что умереть должна она, а дочь желает умереть вместо родителей. Когда они все так сетуют, Кунти входит в дом брахмана и спрашивает о причине горя. Из их слов она узнает, что возле города обитает ракшас-людоед по имени Бака, которому жители города в установленное время должны подносить телегу риса, двух буйволов и человека.

И вот теперь пришла очередь семьи брахмана, и кто-нибудь из ее членов должен умереть. Кунти утешает их, заверяя, что один из ее пятерых сыновей пойдет к злому ракшасу, захватив с собою для него приношение. На другой день на телеге с едой для ракшаса отправляется Бхима. В лесу Бхима сам съедает ту пищу, которая была предназначена для ракшаса. Когда в назначенное время приходит ракшас, Бхима нападает на него и убивает. Получив заверение от племени ракшасов — никогда не трогать людей, Бхима возвращается в город. Жители города ликуют, узнав о гибели ракшаса-людоеда.

Пандавы продолжают свои странствия по дремучим лесам. Однажды им встретился царь гандхарвов Читрататха. Происходит поединок между ним и Арджуной, который побеждает гандхарву. Читрататха и Арджуна заключают между собой дружбу. Гандхарва дарует Арджуне дивную науку *чакшуши*, обладая которой можно видеть все, что пожелаешь, в трех мирах сверхъестественной силой зрения, а также дает ему божественных коней, быстрых, как ветер, и способных появляться всюду по желанию. А от Арджуны гандхарва получает в дар огненное оружие, при помощи которого Арджуна сжег его колесницу. По совету гандхарвы Читрататхи пандавы избирают себе домашнего жреца Дхаумью, который делается их наставником.

В это время разносится весть о том, что Друпادا, царь северных панчалов, устраивает сваямвару — торжественное собрание для выдачи замуж своей дочери Драупади-Кришны. Услыхав об этом, пандавы отправляются в страну Панчалу, чтобы принять участие в сваямваре Драупади. Прибыв в столицу царя Друпады, пандавы поселяются в доме горшечника и выдают себя за брахманов. На сваямвару съехались со всех сторон цари и царевичи, среди них и кауравы во главе с Дурьюодханой. Из обширного круга соискателей невеста сама должна избрать себе жениха и возложить на него венки. Царь Друпада решает устроить испытание женихов при помощи лука. Кто натянет тугий лук и попадет в цель, тот получит руку невесты. Сначала царь Друпада устраивает роскошные пиры, где он знакомится с гостями и угощает их. На шестнадцатый день на арене появляется царевна Драупади-Кришна, освеженная купанием, в роскошном наряде и с венком в руке. И когда воцарилась тишина, ее брат Дхриштадьумна, взойдя на стену, объявляет об условиях испытания: сквозь отверстие в мишени нужно поразить цель пятью стрелами. Но тщетно стараются

все цари и царевичи: никто из них не может согнуть тугого лука. Тогда на арену выходит Арджуна, переодетый брахманом. Он в один миг натягивает лук и пронзает цель. Царевна Драупади возлагает на него венок и по закону должна стать его женой. Царь Друпادا решает выдать свою дочь за победителя. Но цари возмущены тем, что ими, кшатриями, пренебрегли и прекрасная царевна досталась неизвестному брахману. И они решают убить царя Друпадду. Но ему на помощь приходят Бхима и Арджуна. Потерпев поражение, цари вынуждены покинуть столицу панчалов. Возвратившись с Драупади-Кришной в дом горшечника, Арджуна объявляет братьям и матери, что на царевне Драупади женится не он один, а все его братья.

В это время царевич Дхриштадьумна, сын царя Друпадды и брат Драупади-Кришны, тайком пробравшись в дом горшечника, подслушал разговор между Кунти и ее сыновьями и убедился, что пятеро братьев, которые обрели его сестру, — кшатрии, а не брахманы. И он спешит сообщить об этом своему отцу. Обрадованный царь Друпадда приглашает их к себе во дворец, и здесь Юдхиштхира открывает всем, что они пандавы. После этого торжественно заключается брак между царевной Драупади-Кришной и всеми пятью братьями, которые женятся на ней в порядке старшинства.

Породнившись с Друпаддой, пандавы приобретают в нем сильного союзника. Весть о том, что пандавы живы и имеют сильных покровителей в лице царя Друпадды и Кришны, быстро распространилась по всей стране. Царь Дхритараштра, считавший пандавов погибшими, узнает обо всем случившемся и, после долгих колебаний, по настоянию советников, совершает раздел царства между пандавами и своими сыновьями. Пандавы получают половину царства в пустынной части страны, известной под названием Кхандавапрастха. Там, на реке Ямуне, они основывают свою столицу Индрапрастху (на месте которой ныне расположен Дели). В ней царствует Юдхиштхира вместе с братьями, в то время как Дурьйодхана с братьями правит в Хастинапуре, наследственной столице. Взаимная вражда между двоюродными братьями, однако, не ослабевает.

Однажды пандавов навестил божественный мудрец Нарарада, который дал им разумный совет о том, каким должен быть порядок поведения между братьями по отношению к их общей супруге Драупади, дабы избежать взаимного раздора. С одобрения Нарарады пандавы заключили между собой такое

условие: «Если один из нас предстанет перед другим, который будет сидеть вместе с Драупади, то он должен будет жить в лесу в течение двенадцати лет, соблюдая обет воздержания». И однажды случилось так, что грабители угнали у одного брахмана скот. Брахман требует у царей защиты. Его слышит Арджуна и готов помочь ему. Но оружие находилось в том покое, где в то время уединился Юдхиштхира с Драупади-Кришной. Арджуна колеблется в выборе: если он не окажет немедленно помощи брахману, то ему и братьям грозит бесславие, если же он войдет к Юдхиштхире, то ему предстоит жизнь в лесу, в изгнании. И решив, что справедливость выше, нежели уничтожение тела, Арджуна входит в царский покой, берет там лук, преследует грабителей и отбивает у них угнанный скот. Верный данному слову, Арджуна теперь должен уйти в изгнание на двенадцать лет. Хотя Юдхиштхира удерживает его, Арджуна заявляет: «Не должно соблюдать закон посредством самообмана» — и с позволения Юдхиштхиры отправляется в лес на двенадцать лет.

Здесь с Арджуной происходит множество различных приключений. Однажды, когда Арджуна совершал омовение в Ганге, Улупи, дочь царя нагов, змеевидных демонов, увлекла его в царство нагов и предложила свою любовь. Арджуна объявил ей, что он соблюдает обет целомудрия и не может его нарушить. Тогда Улупи, обуреваемая безумной любовью, грозит лишиться себя жизни, и Арджуна соглашается провести с нею ночь. Впоследствии от их союза рождается сын по имени Ирават. Странствуя, Арджуна берегом моря направляется в Маналуру, столицу южного царства Калинги. Явившись к царю Читравахане, он встречает там его красавицу дочь Читрангаду и влюбляется в нее. С согласия ее отца он живет с нею три года, забыв о своем обете. И у них рождается сын по имени Бабхрувахана.

После множества приключений Арджуна попадает в город Кришны — Двараку, находившийся, по преданиям, далеко на западе, на острове посреди океана. Там он встречает сестру Кришны прекрасную Субхадру и влюбляется в нее. Кришна, узнав о намерении Арджуны жениться на его сестре, советует ему похитить ее силой, ибо никто не может знать, кого именно она сама избрала бы себе в супруги на своей сваямваре. Арджуна похищает Субхадру и женится на ней. Кришна примиряет Арджуну с родом ядавов, к которому принадлежит он сам и его сестра. Недовольство ядавов уступает место их благорасположению к Арджуне, который живет у Кришны целый год.

Субхадра родит ему сына по имени Абхиманью. А в это время далеко в Индрапрастхе Драупади тоже родит сыновей для каждого из своих пятерых мужей. От Юдхистхиры она родила сына Пративиндхью, от Бхимы — Сутасому, от Арджуны — Шрутакармана, от Накулы — Шатанику и от Сахадевы — Шрутасену. Братья Арджуны с Юдхистхирой во главе счастливо живут в Индрапрастхе.

Однажды в знойный летний день Арджуна предлагает Кришне отправиться на берег Ямуны. В окружении друзей и многочисленных женщин Арджуна и Кришна отправляются к прекрасному увеселительному месту на берегу Ямуны и предаются там разнообразным развлечениям и удовольствиям. В это время к Кришне с Арджуной подходит в облике брахмана в черной одежде Агни — пожиратель жертв и бог огня — и просит их помочь ему сжечь лес Кхандаву. Арджуна и Кришна соглашаются помочь Агни, если им будет дано соответствующее оружие. Агни дает Арджуне небесный лук *гандиву* и два неистощимых колчана, а также божественную колесницу, в которую впряжены дивные кони из страны гандхарвов. Кришне он дал огненное оружие — диск со стальным прутот, прикрепленным к середине. При помощи полученного оружия Кришна и Арджуна помогли богу Агни сжечь лес Кхандаву и насытить Агни желанной для него пищей. Во время лесного пожара они пощадили волшебника Маю, зодчего демонов-асуров *, который впоследствии выстроил им чудесный дворец собраний, о чем будет говориться уже во второй книге «Махабхараты» — Сабхапарве («Книга о собрании»).

Таково содержание той части главного сказания «Махабхараты», которая описывается в Адипарве (главы 55—225, за небольшими исключениями). Этому главному сказанию в первой книге предшествует изложение космогонических и философских представлений древних индийцев, описание многочисленных родословных и история древних династий, рода Бхригу и потомков Бхараты. Здесь приводятся также разнообразные сказания о происхождении различных существ, о пахтании молочного океана и рождении божественного коня Уччайхшраваса и др. В сказании об Астике, например, повествуется о происхождении змей, о сожжении их во время змеиного жертвоприношения, устроенного царем Джанамеджаей, сыном Парикшита, во время которого и рассказывается великая эпическая поэма «Махабха-

рата». Мстя царю змей Такшаке за смерть своего отца, Джанамеджая хотел сжечь его на жертвенном огне вместе со всем змеиным племенем, но был остановлен юным брахманом Астикой. Эта часть (главы 3, 8—53), взятая из первой книги (Ади-парвы) «Махабхараты» в русском переводе, и послужила основой для вольного переложения в стихах Семена Липкина, которое составляет содержание этой книги.

В. И. Кальянов

СОЖЖЕНИЕ ЗМЕЙ

ВСТУПЛЕНИЕ

Д повести этой мы скажем вначале,
Что люди ее в старину рассказали.

Одни поныне хранят ее слово,
Другие придут и поведают снова.

Вторично рожден приобщенный к познанию:
Становится дваждырожденным * по званью,

А кто пребывает в незнание дремотном,
Среди человечества равен животным.

Читайте же это старинное чтенье,
И вы обретете второе рожденье!

Послушайте суту *, он — царский возница,
В душе его правда преданий хранится.

Спросите у суты, у суты спросите
О повести давней великих событий,

Спросите о птице, спросите о змее,
О том, кто сильнее, о том, кто мудрее,

Спросите об Астике дваждырожденном.
В делах милосердия непревзойденном!

Как масло жирнее всей пищи молочной,
Как море сильнее всей влаги проточной,

Как мудрый в сравнении с темным, убогим,
Корова в сравнении с четвероногим,

Как все превосходит, бессмертных питаю,
Блаженная амрита, влага святая,

Так слово предания — лучшее слово,
Источник познания, правды основа.

Спросите у суты, почтенные люди,
О В`асуки-змее, о птице Гаруде,

О подвигах славных, о старых законах,
О К`ашьяпе * мудром, о двух его женах,

О Кадру прекрасной, о чистой Винате,
О том, как сражались небесные рати,

Спросите у суты, — расскажет о многом
Красивым, певучим, размеренным слогом.

ПРОСТУПОК ИНДРЫ-ГРОМОВЕРЖЦА

Певец и подвижник божественноликий,
Был Кашьяпа мудрый всех тварей владыкой.

Святому дана была свыше награда:
Лекарство он знал от змеиною яда.

С красавицей Кадру, с прелестной Винатой
Делился он счастьем, на сестрах женатый, —

На двух тонкостанных, на двух богоравных,
На двух дивнобедрых, на двух благонравных.

Он жаждал потомства, сгорал он от жажды,
И жертву решил принести он однажды.

Потребовал он от всеильных подмоги, —
Пришли мудрецы, полубоги и боги.

Он Индре сказал, повелителю молний:
«Дрова принеси мне, приказ мой исполни».

Подобно горе возвышались поленья,
Но Индра, неся их, не знал утомленья.

Тогда мудрецы, ростом с маленький палец*,
Свирепому богу навстречу попались.

Духовные подвиги их истощили,
С трудом стебелек они вместе тащили.

Преграду поставил им жребий суровый:
Вошли они в след от копыта коровы,

И в ямке, наполненной мутной водою,
Боролись подвижники с грозной бедою.

Ревущий громами, гоняющий тучи,
Над ними тогда посмеялся могучий.

Они показались ничтожными богу,
Над ними занес он огромную ногу.

Но в пламени гнева, но в муках печали
Отшельники мудрые слово сказали.

Они совершили огню возлиянье,
Они возгласили свое заклинанье:

«Во имя того, что тверды мы в законах,
Суровы в обетах своих непреклонных,

Пусть явится Индра второй во вселенной,
Стократно сильнее, чем Индра надменный.

Отважный, стремительной мысли подобный,
Менять свою силу и облик способный,

Пусть первого доблестью он превосходит
И ужас на властного Индру наводит».

Ушел громовержец от слабых и малых
В тоске, ибо гнев справедливый познал их.

Он Кашьяпу, в страхе, отвлек от занятия:
«Избавиться мне помощи от заклятья».

О том, что случилось, всех тварей властитель
Спросил у премудрых, войдя в их обитель.

Они отвечали: «Как скажешь, так будет.
Согласны мы с тем, что подвижник присудит».

И Кашьяпа так успокоил безгрешных,
Им счастья желая в деяньях успешных:

«Сей Индра, исполненный молний блистанья, —
Он Брахмою создан, творцом мирозданья.

Не делайте ложным создателя слово,
Не делайте, мудрые, Индру второго!

Но пусть ваша дума не будет напрасной.
Согласен и я с этой думой прекрасной.

Пусть Индра второй средь пернатых родится —
Отважная, сильная, славная птица.

Даруйте же Индре, о мудрые, милость,
Душа его с просьбою к вам устремилась».

Сказали отшельники: «Действуй умело.
Замыслили мы наше доброе дело,

Чтоб Индра явился, но Индра пернатый,
Чтоб цели достиг ты, потомством богатый».

Вината, жена мудреца, в это время
Под сердцем почуяла милое бремя.

Подвижник сказал дивнобедрой богине:
«Двум детям ты матерью станешь отныне.

Родишь ты мне двух сыновей наилучших,
Воителей смелых, счастливых, могучих.

Один из них, птиц повелитель крылатый,
Прославится в мире, как Индра пернатый,

Отважный, стремительной мысли подобный,
Менять свою силу и облик способный».

И молвил он Индре: «Не бойся заклатья.
Мои сыновья тебе будут, как братья.

Ты, Индра, на свет сотворен миродержцем,
Навеки останешься ты громовержцем.

Но впредь никогда не чини ты обиду
Премудрым подвижникам, крохотным с виду.

Почтенны и слабые телом творенья,
Никто твоего не достоин презренья».

Ушел громовержец на небо с рассветом...
Главу Махабхárаты кончим на этом.

**КАДРУ ОБРАЩАЕТ ВИНАТУ
В РАБСТВО**

Два круглых яйца от Винаты-богини
В сосуды с водой положили рабыни.

Смотрел и на Кадру подвижник любовно:
Яиц принесла она тысячу ровно.

Их тоже на пять положили столетий
В сосуды с водой, чтобы вызрели дети.

Пять полных столетий прошли над вселенной,
И змеи родились у Кадру блаженной.

Их тысяча было — и смирных, и злобных,
И молниевидных, и тучеподобных,

Прекрасных, блиставших жемчужным нарядом,
Ужасных, грозивших губительным ядом,

Прелестных, с покрытыми чернью серьгами,
Уродливых, скользких, с пятью головами,

Коротких и длинных, спокойных и шумных,
И полных премудрости, и скудоумных,

Но грозных и слабых друг с другом сближало
С губительным ядом смертельное жало!

Был Шеша сначала, шел Вáсуки следом,
Стал каждому также и Тáкшака ведом.

Считать их? Но всех невозможно исчислить,
А сколько их стало, нельзя и помыслить!

А двойни Винаты все не было видно,
И сделалось будущей матери стыдно,

Детей она жаждала сильно, глубоко,
Яйцо, не дождавшись, разбила до срока.

Разбила яйцо — и увидела сына,
Но верхняя лишь развилась половина,

В зачатке была половина вторая,
И молвил ей первенец, гневом пылая:

«О жадная мать, не достигла ты цели,
Меня создала незаконченным в теле.

За это рабынею станешь ты вскоре,
Пять полных столетий прослужишь ты в горе.

Но брат мой родится и крылья расправит,
Несчастную мать от неволи избавит.

Однако яйцо разбивать не спеши ты,
Смиренная, жадностью впредь не греши ты,

Не надобно впредь поддаваться соблазнам,
Чтоб сын твой не вышел, как я, безобразным.

С тем сыном никто не сравнится на свете,
Но жди, чтобы пять миновало столетий».

Так молвил ей, верхней созрев половиной,
Сын Аруна *, в горе своем неповинный.

Сказал и поднялся к небесным просторам.
Теперь по утрам он является взорам:

Когда разгорается в небе денница,
Мы Аруну видим: он — солнца возница...

И стала Вината, — читаем в преданье, —
Полтысячи лет проводить в ожиданье.

В то время к двум сестрам приблизился белый
Божественный конь *, горделивый и смелый.

Скакун вечноюный, скакун быстроногий, —
Его почитали и славилы боги.

А был он подобен, скакун драгоценный,
Потоку нагорному с белою пеной.

Он вышел из влаги молочной, из масла,
Его красота не старела, не гасла.

Потом вы узнаете важные вести:
На свет появился он с амритой вместе...

Воскликнула Кадру, вкушавшая счастье:
«Скажи мне, какой он, по-твоему, масти?»

«Он — белый, — Вината промолвила слово, —
С тобой об заклад я побиться готова».

«О, мило смеющаяся, дорогая
Сестра, ошибаешься ты, полагая,

Что масти он белой. Ответ мой бесспорен:
Я вижу, я знаю, что хвост его — черен.

Давай об заклад мы побьемся с тобою,
А кто проиграет, пусть будет рабою

У той госпожи, что окажется правой!» —
Воскликнула Кадру с улыбкой лукавой.

Они разошлись по домам со словами:
«Мы завтра увидим, исследуем сами».

Но Кадру, сказав: «Победить мы сумеем!» —
Велела тогда сыновьям своим — змеям:

«О дети, должна я прибегнуть к обману,
Не то у Винаты рабынею стану.

Сейчас предо мной волосками предстаньте,
К хвосту скакуна черной краской пристаньте».

Но змеи не приняли слов криводушных,
И мать прокляла сыновей непослушных:

«Придет Джанамеджая, змей уничтожит,
Змеиному роду конец он положит.

Придет властелин в заповедное время,
Предаст он огню ядовитое племя».

Такой приговор, и жестокий и строгий,
Одобрили Брахма-создатель и боги:

Воистину, всем существам угрожало
Губительным ядом змеиное жало!

Вот солнце явилось, проснулись Вината
И Кадру-красавица, гневом объята.

Они полетели быстрее урагана
Взглянуть на коня посреди океана.

Увидели тот океан необъятный,
Ужасный для смертных, бессмертным
приятный,

Чудесный, бушующий, неукротимый,
И неизмеримый, и непостижимый;

То солнцу подвластный, то мраку покорный,
Он амритой — влагой владел животворной.

Колеблемый ветром, метался он дико,
Подземного пламени вечный владыка;

Вместилище вод многошумных, священных,
И всяких щедрот, и камней драгоценных;

Вместилище змей и подводных чудовищ,
И демонов черных, и светлых сокровищ;

В нем были киты, крокодилы и рыбы,
В нем воды рождались и рушились глыбы;

Порою, веселья безумного полный,
Плясал он: как руки, он вскидывал волны;

Порою был мрачен и страшен от рева,
От хохота, воя всего водяного;

Его приводило всегда в исступленье
Луны прибавленье, луны убавленье;

Он смертью грозил и растениям и тварям,
Над реками был он царем-государем;

Обширный подобно небесному своду,
Вздымал он и гнал он извечную воду!

Над влагой безмерною Кадру с Винатой
Промчались, исполнены силы крылатой.

Пред ними божественный конь показался,
Рожденный из пены, он пены касался.

Взглянули на хвост и увидели сами,
Что черными он испещрен волосами:

То змеи, страшась материнского гнева,
Чернели в середине, и справа, и слева.

И Кадру-сестрой побежденная в споре,
Ей стала Вината рабыней. О горе!

Настала пора и тоски и терзанья...
На этом главу мы кончаем сказанья.

О ТОМ, КАК ДОБЫЛИ АМРИТУ

Теперь поведем стародавние были,
Расскажем, как амриту боги добыли.

Есть в мире гора, крутохолмная Меру*.
Нельзя ей найти ни сравненье, ни меру.

В надмирной красе, в недоступном пространстве,
Сверкает она в золотистом убранстве.

Блистанием солнца горят ее главы.
Живут на ней звери, цветут на ней травы.

Там древо соседствует с лиственным деревом,
Там птицы звенят многозвучным напевом.

Повсюду озера и светлые реки,
Кто грешен, горы не достигнет вовеки.

Презревшие совесть, забывшие веру,
И в мыслях своих не взберутся на Меру!

Одега вершина ее жемчугами.
Сокрыта вершина ее облаками.

На этой вершине, в жемчужном чертоге,
Уселись однажды небесные боги.

Беседу о важном вели они деле:
Напиток бессмертья добыть захотели.

Нараяна * молвил: «Начнем неустанно
Сбивать многоводный простор океана.

Пусть боги и демоны, движимы к благу,
Как сливки, собьют океанскую влагу.

Мы амриту, этот напиток волшебный,
Получим совместно с травой лечебной.

Давайте же пахтать волну океана!» —
Нараяна молвил, вселенной охрана.

Есть в мире гора, над горами царица.
С ее высотой ничто не сравнится.

На Мандаре птицы живут и растенья,
На Мандаре — диких животных владенья.

Ее оглашает напев стоголосый,
Зубчатым венцом украшают утесы.

И вырвать хотели в начальную пору
Небесные боги великую гору,

Чтоб Мандарой гордой сбивать неустанно
Безмерную синюю ширь океана.

Но гору не вырвали, как ни трудились.
К Нараяне, к вечному Брахме явились:

«Хотя домогаемся амриты чудной,
Одни мы с работой не справимся трудной».

Всесущие боги, к добру тяготeya,
Тут кликнули Шешу, могучего змея.

И встал он, и вырвал он гору из лона
С цветами, зверями, травой зеленой.

Направились боги с горою великой
И речь повели с океаном-владыкой:

«Сбивать твою воду горою мы будем,
Мы амриту, влагу бессмертья, добудем».

Сказал океан: «Не страшусь я тревоги,
Но дайте мне амриты долю, о боги!»

Тогда-то к царю черепах *, на котором
Стоит мирозданье, пришли с разговором

И боги и демоны: «Сделай нам милость,
Чтоб эта гора на тебе утвердилась».

Тогда черепаха подставила спину,
Подняв и подножье горы и вершину.

Могучие сделали гору мутсвкой,
А Васуки, длинного змея, — веревкой,

И стали, желая воды животворной,
Сбивать океан, беспредельно просторный.

Сбивали, как масло хозяйки-подружки
Из сливок отменных сбивают в кадушке.

И стали совместно растягивать змея,
Конец у премудрых, у демонов — шея,

Вздымал его голову бог непрестанно
И вновь опускал в глубину океана.

Из пасти змеиной, шума над волнами,
Взметались и ветры, и дымы, и пламя,

И делались дымы громадой летучей,
Обширной, пронизанной молнией, тучей.

На демонов, мучимых жаром жестоким,
Она низвергалась кипящим потоком.

Из горной вершины, во время вращения,
Как ливень, струились цветы и растенья,

Сплетались цветы в вышине лепестками,
На светлых богов ниспадали венками.

Вращалась гора, — обреченные смерти,
Тонули насельники вод в круговерти,

Земля сострясалась, и влага, и воздух,
Валились деревья с пернатыми в гнездах,

И древо о древо, и камень о камень,
Столкнувшись, рождали неистовый пламень.

Как синее облако — молнийным жаром,
Он искрами прыскал, он мчался пожаром.

В том пламени гибли неправый и правый,
И хищные звери, и кроткие травы.

Но Индра, играя громами, с отвагой
Огонь погасил бурнохлещущей влагой.

Тогда в океан устремились глубокий
И трав и деревьев душистые соки.

Вода в молоко превратилась сначала,
Затем благодатные соки впитала

И в сбитое масло затем превратилась, —
На время работа богов прекратилась.

Взмолились премудрые: «Дароподатель,
Смотри, как устали мы, Брахма-создатель!

Мы силы лишились, нам больно, обидно,
Что все еще амриты дивной не видно!»

Нараяне Брахма сказал первозданный:
«Дай силу свершающим труд неустанный».

В них силу вдохнул небожитель безгневный,
И месяц возник, словно друг задушевный.

Излил он лучи над простором безбрежным,
Он светом зажегся прохладным и нежным.

Явилась богиня вина * в океане,
Затем, в белоснежном своем одеянье,

Любви, красоты появилась богиня *,
За чудной богиней, могуч, как твердыня,

Божественно белый скакун показался,
Рожденный из пены, он пены касался.

Явился врачующий бог *, поднимая
Сосуд: это — амрита, влага живая!

Все демоны ринулись жадно к сосуду.
«Мое!», «Нет, мое!» — раздавалось повсюду.

Тогда-то Нараяна, вечный, всевластный,
Предстал перед ними женою прекрасной.

Увидев красавицу, демоны разом
От вспыхнувшей страсти утратили разум.

Вручили сосуд появившейся чудом —
Нараяна скрылся с желанным сосудом,

И амриты дивной испили впервые
Премудрые боги, созданья благие,

Испили впервые — и стали бессмертны,
А демоны двинулись, грозны, несметны,

Рубили мечами, дрались кулаками, —
Так начали демоны битву с богами.

И в гуле проклятий, вблизи океана,
Столкнулись две рати, боролись два стана.

О палицу меч и копье о дубину
Сгибались, и падала кровь на долину.

Тела без голов на долине скоплялись,
А мертвые головы рядом валялись.

Пусть не было демонской рати предела,
Но демоны гибли, их войско редело,

И падали наземь в крови исполины,
Как яркие, красные кряжей вершины.

Багровое солнце меж тем восходило,
Скопления демонов таяла сила,

Но бой продолжался ужасный, великий,
Повсюду гремели свирепые клики:

«Руби! Нападай! Бей наотмашь и в спину!
Коли! Налетай! Заходи в середину!»

И демоны злые, теснимы богами,
Построили воинство за облаками,

Бросали с небес и утесы и кручи,
Казалось, что дождь низвергался из тучи,

Громадные горы бросали в смятенье,
Вершины срывались при этом паденье.

Земля содрогалась: такого обвала,
С тех пор как возникла, она не знавала!

Встал к месту сраженья Нараяна близко,
В небесные своды из грозного диска *

Метнул заостренные золотом стрелы,
Огонь охватил небосвода пределы,

Вершины, дробясь, исчезали во прахе,
И полчище демонов ринулось в страхе,

С протяжными воплями, с криком и стоном,
Сокрылись в земле, в океане соленом.

А боги, когда торжество засияло,
Поставили Мандару там, где стояла,

И, амриту спрятав в надежном сосуде,
Пошли, говоря о неслыханном чуде.

Пошли они, силы познав преизбыток,
Хвалили бессмертья волшебный напиток.

Пошли они, преданы твердым обетам...
Главу Махабхараты кончим на этом.

ГАРУДА РЕШАЕТ ПОХИТИТЬ АМРИТУ

Пять полных столетий с тех пор миновало.
Вината рабыней сестры пребывала.

Но срок наступил, и родился Гаруда,
Разбил он яйцо и взлетел из сосуда.

Сверкал он, исполненный силы великой,
Громадою пламени многоязыкой.

Казалось, он рос без предела и края,
Пылая и ужас в живое вселяя.

Все твари пред Агни предстали с мольбою:
«Владыка огня, мы сгорим под тобою!

Ты в каждом земном существе обитаешь,
Миров разрушитель, ты всех очищаешь.

Чего ты огнем ни коснешься лучистым,
Становится светлым, становится чистым.

О жертв пожиратель, всевидящим взглядом
Следишь ты за жертвенным каждым обрядом.

О бог семипламенный, силы ты множишь, —
Ужели ты все существа уничтожишь?

Расширилось тело твое огневое, —
Ужели ты хочешь пожрать все живое?»

Ответил им Агни: «Ошиблись вы, твари,
Не я виноват в этом грозном пожаре.

Есть новое в мире, мне равное чудо —
Отважная, сильная птица Гаруда».

Собрание богов, мудрецы-ясновидцы
Явились тогда к обиталищу птицы,

Сказали Гаруде: «Владеешь ты славой,
Душою премудрый и видом кудрявый.

Пернатого царства ты царь благородный,
Ты — света источник, от мрака свободный.

Ты — мысли паренье, ты — мысли пыланье,
Причина и действие, подвиг и знанье.

Ты — длительность мира, его быстротечность,
Мгновенье и тленье, нетленность и вечность!

Ты — ужас вселенной, ты — жизни защита,
Гаруда, тебе наше сердце открыто!»

Так мир потрясенный пернатого славил,
И мощь свою гордый Гаруда убавил.

Гаруда, стремительной мысли подобный,
Менять свою силу и облик способный,

Помчался над влагой безмерной и синей
Туда, где Вината служила рабыней...

Однажды Винате, покорной всецело,
Чтоб слышал Гаруда, сестра повелела:

«Среди океана, во чреве пучины,
Есть остров прекрасный, есть остров змеиный.

Неси меня к змеям, сестра дорогая!» —
Воскликнула Кадру, глазами сверкая.

Вината взяла себе Кадру на плечи
И с матерью змей полетела далече,

А тысячу змей, по приказу Винаты,
Гаруда понес, повелитель пернатый,

И к солнцу поднялся он, мысли быстрее,
И впали от жара в бесчувствие змеи.

Но Кадру к властителю грома взмолилась:
«О Индра, даруй мне великую милость!

Ты — лето и осень, ты — зимы и вёсны,
Ты — ливень свирепый, ты — дождь
плодоносный.

Ты — горькая участь, ты — радостный жребий,
Ты — молния в тучах, ты — радуга в небе.

То громом бушуешь, то ветром холодным!»
Пролейся же, Индра, дождем полноводным, —

Мгновенно разверзлись небесные своды,
На землю низверглись несметные воды.

Казалось: неслись по всему мирозданию,
Друг друга осыпав отборною бранью,

Гремящие тучи одна за другою;
Как чаша, земля наполнялась водою.

Дождил громовержец из неба-громады,
А змеи смеялись, довольны и рады.

На остров прекрасный Гаруда принес их,
Где слышалось пение птиц стоголосых,

Где травы цвели на широких просторах,
Где лотосы были в прудах и озерах,

Деревья водой упивались проточной
И змей обдавали струею цветочной.

Воскликнули змеи: «Неси нас отсюда
На более дивное место, Гаруда!

Неси нас на остров другой, сокровенный,
Ты сам насладишься красою вселенной!»

Подумав, Гаруда спросил у Винаты:
«О милая мать, объяснить мне должна ты,

Скажи, почему отказаться не смеем,
Во всем подчиняться обязаны змеям?»

«О сын мой, — сказала Гаруде Вината, —
Я в нашей неволе сама виновата.

Обманом сестрой побежденная в споре,
У Кадру живу я рабыней в позоре».

И стала Гаруды печаль тяжелее.
Он молвил: «Всю правду скажите мне, змеи!

Разведать мне тверди, разведать мне воды
Иль подвиг свершить, чтоб добиться свободы?»

Сказали: «От рабства себя ты избавишь,
Как только ты амриту змеям доставишь».

«О мать, — услышала Вината Гаруду, —
Я голоден. Амриту ныне добуду».

Уверившись в силе его исполинской,
Но все же тревоги полна материнской,

Вината, взволнована в это мгновенье,
Гаруде промолвила благословенье:

«Лети по пути многотрудному смело,
Лети и сверши благородное дело.

Возьми себе Солнце и Месяц в охрану,
Тебя ожидать я с надеждою стану».

На небо, где темные тучи нависли,
Поднялся Гаруда со скоростью мысли,

Поднялся и вспыхнул невиданным светом...
Главу Махабхараты кончим на этом.

**ГАРУДА ОСВОБОЖДАЕТ ВИНАТУ
ОТ РАБСТВА**

В то время, исполнены смутной тревоги,
Увидели страшные знаменья боги:

Громов громыханье, и веянье бури,
И пламя таинственных молний в лазури;

Кровавые ливни и рек наводнение,
Средь ясного дня метеоров паденье;

Величье богов приходило в упадок,
Венки их поблекли, настал беспорядок,

И сам громовержец, с душевною раной,
Дождил не дождями, а кровью багряной.

Явился он к Брахме, сказал властелину:
«Внезапной беды назови мне причину».

Ответствовал Брахма: «Причина смятенья —
Подвижников малых дела и моленья.

Над кроткими ты посмеялся в гордыне, —
Отсюда явились и бедствия ныне.

От Кашьяпы мудрого, чистой Винаты
Рожден исполин, повелитель пернатый,

Отважный, стремительной мысли подобный,
Менять свою силу и облик способный.

Он взял себе Солнце и Месяц в охрану,
Задумал он: «Амриту ныне достану».

Отвагой с Гарудой никто не сравнится,
Свершит невозможное мощная птица!»

К богам, охранявшим напиток, с приказом
Пришел громовержец, и мудрые разом,

С мечами из остро отточенной стали,
В кольчугах, готовые к битве, предстали.

Огнем пламенели их светлые лики,
Рождали огонь их трезубцы и пики.

Железные копья прижались к секирам,
Крылатые стрелы сверкали над миром,

И поле сражения сделалось тесным,
И плавилось, мнилось, на своде небесном.

На войско безгрешных, что высилось в латах,
Нагрянул внезапно владыка пернатых.

Гаруда могучие крылья расправил
И крыльями ветер подняться заставил.

Вселенную черною пылью одел он,
Незримый во тьме, над богами взлетел он.

Когтями терзал он богов без пощады,
Он клювом долбил их, ломая преграды.

Обрушились ливнем и копья и стрелы,
Но грозный Гаруда, могучий и смелый,

Ударов не чувствовал копий железных,
А боги бежали и падали в безднах.

Бежали премудрые, страхом объаты, —
Волшебной воды домогался пернатый.

Увидел он: пламя несло отовсюду,
Казалось, — сожжет оно мир и Гаруду!

Гаруде служили крыла колесницей.
Он стал восьмитысячеклювою птицей.

На реки текущие взор обратил он,
И восемь раз тысячу рек поглотил он.

Он реками залил огромное пламя,
Свой путь продолжая, взмахнул он крылами

За труд принимаясь великий и тяжкий,
Помчался он в облике маленькой пташки.

Живая вода колесом охранялась,
И то колесо непрестанно вращалось,

Могуче, как пламя, ужасно, как битва,
А каждая спица — двуострая бритва.

Меж грозными спицами был промежуток,
А вход в промежуток и труден и жуток.

Но где тут преграда для маленькой птицы?
Ее не задела двуострые спицы!

На страже сосуда, в глубинах подводных,
Увидел Гаруда двух змей превосходных.

Они подчинялись божественной власти.
Огонь извергали их жадные пасти.

Глаза их, наполнены гневом и ядом,
Смотрели на всех немигающим взглядом:

Такая змея на кого-нибудь взглянет, —
И пеплом несчастный немедленно станет!

Гаруда расправил могучие крылья,
Змеиные очи засыпал он пылью.

Незримый для змей, он рассек их на части,
Сомкнулись огонь извергавшие пасти.

Тогда колеса прекратилось вращенье,
Разрушилось крепкое сооруженье.

Похитил он амриту, взмыл он оттуда,
И блеском соперничал с солнцем Гаруда

Настиг его Индра за тучей широкой,
Стрелюю пронзил его тысячеокий.

Но тот улыбнулся властителю грома:
«Мне боль от громовой стрелы незнакома.

С почтеньем к тебе обращаюсь теперь я,
Но грома и молний сильней мои перья».

Пришла громовержцу пора убедиться,
Что это великая, мощная птица!

«Но в чем твоя сила? — спросил он Гаруду. —
Скажи мне, и другом твоим я пребуду».

Гаруда ответил: «Да будем дружны мы.
Отвага и мощь моя — неодолимы.

Хотя похвальбы добронравному чужды
И речь о себе не заводят без нужды,

Но если ты друг мне, то другу я внемлю.
Узнай же: вот эту обширную землю,

Со всеми живыми ее существами,
С морями, горами, лугами, лесами,

На каждом из перьев своих пронесу я,
Усталости в теле своем не почую».

Сказал громовержец Гаруде с испугом:
«Похитивший амриту, будь моим другом,

Но влагу бессмертья верни мне скорее,
Чтоб недруги наши не стали сильнее».

Воскликнул Гаруда: «Желанную влагу
Теперь уношу я к всеобщему благу.

Вовеки ее никому не отдам я,
Верну ее скоро премудрым богам я».

Сказал громовержец: «Я рад нашей встрече,
Твои принимаю разумные речи.

За амриту дам все, что хочешь, о птица!»
Гаруда промолвил: «Хотя не годится

На то соглашаться владыке пернатых,
Но знай, что я змей ненавижу проклятых.

Да станут мне змеи отныне едою!»
Ответствовал бог: «Я согласен с тобою».

Помчался Гаруда к Винате-рабыне
И змеям сказал он: «Принес я вам ныне

Напиток бессмертья, что радует душу.
Сосуд на траву я поставлю, на кушу.

Вкушайте же, змеи, желанную воду,
Но бедной Винате верните свободу!»

«Согласны!» — ответили змеи Гаруде,
Они устремились, ликуя, к запруде,

Хотели они совершить омовенье,
Но Индра низринулся в это мгновенье,

Схватил он бессмертья напиток чудесный
И сразу в обители скрылся небесной.

Увидели змеи, исполнив обряды:
Похищена амрита, нет им отрады!

Но куша-трава стала чище, светлее,
Лизать ее начали тихие змеи,

И змеи, траву облизав, поразились.
Тогда-то у них языки раздвоились.

А куша травую священною стала,
А слава Гаруды росла и блистала.

Винату он радовал, змей пожирая.
Свободу вернула ей влага живая.

Блаженны познавшие волю созданья...
На этом главу мы кончаем сказанья.

**ЮНОША ШРИНГИН ПРОКЛИНАЕТ
ЦАРЯ ПАРЬКШИТА**

В то время был царь, повелитель державы,
Чьи жители так назывались: пандавы.

Парикшитом звали царя над царями.
Любил он охоту, борьбу со зверями.

Когда он в лесные заглядывал дебри,
Боялись его антилопы и вепри.

Однажды, пронзив антилопу стрелюю,
За жертвой помчался он чащею лесною,

Забрел на глухие звериные тропы,
Но в темной глуши не нашел антилопы.

Еще не бывало, чтоб грозный и дикий,
Чтоб раненый зверь ускользал от владыки,

И царь, неудачей своей огорченный,
Блуждал, антилопою в лес увлеченный.

Страдая от жажды и долгих блужданий,
Отшельника царь увидал на поляне.

Отшельник сидел, молчаливый, суровый,
В загоне, в котором стояли коровы.

Сидел он, облитый сияньем заката;
К сосцам материнским припали телята.

Властитель приблизился к мужу седому.
Свой лук подымая, сказал он святому:

«Я — царь, я — Парикшит, я правлю страную.
Охотясь, пронзил антилопу стрелою.

Ищу я добычу, усталый, голодный.
Ее ты не видел ли, муж превосходный?»

Но старец в ответ не промолвил ни слова,
Молчанья обет соблюдая сурово.

Молчальник привел повелителя в ярость.
Презрел повелитель почтенную старость.

Отшельника мудрого предал он мукам:
Змею, что издохла, приподнял он луком,

Ее положил он святому на плечи,
Но царь не услышал от мудрого речи,

Отшельник царю не промолвил ни слова,
Ни доброго слова, ни слова дурного.

И выбрался царь пристыженный из чащи.
Сидел неподвижно отшельник молчащий.

Был сын у святого, он звался Шрингином.
Он был добронравным, почтительным сыном.

Могучею силой, умом наделенный,
Добра и любви соблюдал он законы,

Но в гневе неистов, он вспыхивал разом,
И долго не мог успокоиться разум.

К познанию блага питая влечение,
Он в доме жреца проходил обучение.

Свой нрав усмирял он, трудясь неустанно.
Отца посещал с дозволенья брахмана.

Учась, обретал он покой наивысший.
Вот слышит он речь от ровесника, Криши:

«Как ты, от жрецов родились мы сынами,
Так чем же гордиться тебе перед нами?»

Мы знаньем священным, как ты, овладели,
Исполнив обеты, достигли мы цели.

Не смей говорить нам, безгрешным, ни слова,
Ведь ты от отца приходишь такого,

Который питается пищей лесною,
Увенчан издохшей, зловонной змеею.

Ужели себя ты причислишь к мужчинам,
Ты, отпрыск отшельника с трупом змеиным!

Не смей перед нами кичиться отныне,
У жалкого поводов нет для гордыни!»

Смеялся над юношей друг и ровесник,
Нежданного горя ликующий вестник.

Шрингин от обиды пришел в исступленье,
Вскипела душа, услыхав оскорбленье,

Но все же сдержал себя, глянул на Кришу
И молвил: «Впервые об этом я слышу!

Змея, говоришь ты, издохла, скончалась?
Но как же она у отца оказалась?»

Кто старца решился подвергнуть мытарствам?»
Ответствовал Криша: «Владеющий царством

Подвижника предал неслыханым мукам,
Змею, что издохла, приподнял он луком,

Змеиное тело, при первой же встрече,
Седому жрецу положил он на плечи».

«О друг мой! — Шрингин произнес, негодуя, —
Чтоб выслушать истину, силы найду я.

Открой мне всю правду поведай мне слово:
Что сделал царю мой родитель дурного?»

И Криша поведал о трупe змеинoм,
О старце, что был оскорблен властелином.

Ровесника слушая повествованье,
Как бы превратился Шрингин в изваянье,

Стоял он, как бы небеса подпирая,
В глазах его ярость пылала живая.

Стоял он, поступком царя оскорбленный,
Обидой разгневанный и воспаленный.

Коснувшись воды посредине дубравы,
Он предал проклятью владыку державы:

«Владыка преступный, владыка греховный,
Повинный в злодействе, в коварстве виновный!

Владыка, не смыслящий в правых законах,
Владыка, позорящий дваждырожденных!

За то, что жреца оскорбил ты святого,
За то, что отца ты унизил седого,

За то, что, о царь, тяжело согрешил ты,
За то, что на плечи отца положил ты

Издохшей змеи непотребное тело,
Чтоб старца душа молчаливо скорбела, —

Пусть Тáкшака-змей властелина отравит,
Тебя в обиталище смерти отправит.

Ослушаться слов моих вещей не смея,
Придет он, — и гибель найдешь ты от змея!»

Так проклял владыку он в гневе и в горе,
Пошел — и с родителем встретился вскоре.

Отца он увидел в коровьем загоне:
Сидел он, смиренно сложивши ладони.

Сидел он, облитый сияньем заката.
К сосцам матерей прижимались телята.

На слабых плечах у святого темнело
Змеиное тело, издохшее тело!

Несчастье отца есть несчастье для сына...
Вновь яростью вспыхнуло сердце Шрингина.

Заплакал он в гневе, воскликнул он в горе:
«Когда о твоём услышал я позоре,

Я проклял Парикшита, словом владея, —
Да гибель найдет он от гнусного змея!

Пусть Такшака мощный, для злобы рожденный,
Могучим заклатьем моим побужденный,

Придет и змеиную хитрость проявит,
Царя в обиталище смерти отправит!»

Отшельник Шрингину ответил печально:
«О сын мой, деянье твоё не похвально.

Парикшит для нас — и закон и защита.
Пусть грубость его будет нами забыта!

Не нравится мне, что ты предал проклятью
Того, кто к державному склонен занятью.

Прощать мы обязаны без промедленья
Царей, стерегущих людские селенья.

Закон, если попран, виновных карает.
Сильнее он тех, кто его попирает.

Без царской защиты, без царской охраны
Мы знали бы горе и страх непрерывный.

Когда охраняет нас царь просвещенный,
Легко мы свои исполняем законы.

Народы закон созидают великий,
Участвуют в этом труде и владыки.

А мудрый Парикшит, как сам прародитель, —
Наш ревностный страж, неусыпный хранитель.

Меня он увидел в коровьем загоне,
Усталый, свое совершил беззаконье.

Молчал я, а путник нуждался в ответе:
Не знал о моем он суровом обете.

О сын мой, по младости лет согрешил ты,
Поступок дурной сотворить поспешил ты.

Твой нынешний грех не могу оправдать я,
Поступок царя не достоин проклятья!»

Ответил Шрингин: «Что свершил, то свершил я.
Пускай поспешил я, пускай согрешил я,

Одобришь ли гнев мой, отвергнешь ли властно,
Но то, что сказал я, сказал не напрасно.

Я молод? Согласен. Горяч я? Возможно.
Но то, что сказал я, сказал я не ложно!»

«О сын мой, — промолвил отшельник
Шрингину, —
Я слово твое никогда не отрину.

Я знаю, ты правду во всем соблюдаешь,
Великим могуществом ты обладаешь,

Я знаю, что слово твое непреложно,
И если ты проклял — проклятье не ложно.

Отца наставленья в любую минуту
Полезны и зрелому, взрослому сыну,

А ты еще горя не видел на свете,
Нуждаешься ты, о могучий, в совете!

От гнева и мудрость бывает незрячей,
А ты еще мальчик незрелый, горячий.

Я должен тебя наставлять неуклонно,
Хотя ты и мощный блюститель закона.

Живи же и пищей питайся лесною,
Беззлобно красой наслаждайся земною.

Кто любит людей, тот владеет вселенной.
Жестокий — силен, но сильнее — смиренный.

Так будь милосерд и обуздывай страсти,
Тогда обретешь ты бессмертное счастье».

Так пылко сына отшельник наставил,
К Парикшиту с вестью посланца отправил, —

То был ученик его, чистый и строгий.
Пришел он к царю и воскликнул в чертоге:

«О царь над царями, о тигр среди смелых!
В твоих, о властитель, обширных пределах

Отшельник живет, добронравный, спокойный,
Суровый подвижник, молчальник достойный.

О царь, положил ты при первой же встрече
Змею, что издохла, святому на плечи.

Простил он тебя, осенен благодатью,
Но сын его предал владыку проклятью.

Отец его старый не слышал, не ведал,
Когда он проклятью Парикшита предал:

«Пусть Такшака-змея властелина отравит,
Царя в обителище смерти отправит!»

Отцу не под силу препятствовать сыну,
И вот он велел мне пойти к властелину.

Желая добра тебе, муж светлоликий
Велел мне спешно явиться к владыке».

Когда повелитель услышал об этом
Подвижнике, преданном строгим обетам,

В отчаянье впал он, поник он в печали,
Раскаянья муки владыку терзали.

Не столь ему смерти страшна была близость,
Сколь мучила дела недоброго низость.

Сказал он посланцу: «Душа истомилась.
Иди, да подвижник дарует мне милость».

Чтоб сердце свое от тревог успокоить,
Дворец на столбе приказал он построить.

Собрал он бойцов, поседевших в сраженьях,
Собрал он жрецов, преуспевших в молениях,

Собрал во дворец и врачей и лекарства,
Сидел и вершил он дела государства,

Собрал мудрецов и внимал их советам...
Главу Махабхараты кончим на этом.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ЗМЕЯ ТАКШАКИ

Дзмей между тем умножалось потомство.
Обычаем было у змей вероломство.

Плодились они, размножались бесчисленно,
Хотя пожирал их Гаруда охотно.

Но были и добрые, чистые змеи,
А всех благонравней, сильнее, мудрее

Был Шеша, в обетах своих неизменный,
Усердный паломник, подвижник смиренный.

Покинул он змей и молитвам предался,
Одним только воздухом Шеша питался.

Твердил он: «Голодная смерть мне милее,
Чем жить, как живут вредоносные змеи».

Рвались его мышцы, его сухожилия,
И высохла кожа его от бессилья.

Спросил его Брахма, великий деяньем:
«Зачем ты бичуешь себя покаяньем?»

Чего ты желаешь? И в чем твое бремя?
Зачем ты покинул змеиное племя?»

«О Брахма, всю правду обязан сказать я:
Противны мне змеи, противны мне братья!»

Жестоки, трусливы, сильны и коварны,
Они ненавидят наш мир светозарный.

Один перед силой другого трепещет,
Один, озлобясь на другого, клеветает.

И дни провожу я в посте, в покаянье,
Чтоб даже в посмертном своем состоянии,

Когда я покину змеиное тело,
Вовек не имел я со змеями дела!»

Всесущий отвечив, выслушав Шешу:
«Доволен тобою, тебя я утешу.

Я знаю, о змей, каковы твои братья,
Над ними нависла угроза проклятья,

Но также, о Шеша, я знаю о средстве,
Которое может спасти их от бедствий.

Ты, лучший из змей, от коварства избавлен,
Твой разум к деяниям добрым направлен,

В одной справедливости ищешь отраду, —
О Шеша, чего же ты хочешь в награду?»

Отвечивая змей: «Ничего мне не надо,
Добро и любовь — правдолюбца награда».

Сказал ему Брахма: «О змей наилучший,
Смирный, себя покаяньем не мучай.

Твою добродетель с любовью приемлю.
Отныне поддерживай шаткую землю

С ее городами, лесами, горами,
С ее рудниками, полями, морями.

О змей, потрудись для всеобщего блага,
Да станут устойчивы суша и влага!»

Был Шеша обрадован светлым уделом,
И стал он поддерживать собственным телом

Богиню Земли, что, на змее покоясь,
Вкруг стана моря повязала, как пояс.

Второй среди змей в государстве змеином
Был Васуки признан тогда властелином,

А с Такшакой, с третьим, во всем государстве
Никто не сравнялся во зле и коварстве.

Вот Кашьяпа, в царстве бывавший змеином,
Узнал, что, к тому побужденный Шрингином,

Змей Такшака ныне владыку отравит,
Его в обиталище смерти отправит.

Подумал подвижник, мудрец наилучший:
«Владыку от смерти спасу неминучей,

Царя исцелю от змеиного яда,
За доброе дело мне будет награда».

Он двинулся к цели, что в сердце наметил,
Но Такшака-змей на пути его встретил.

Постиг ядовитый искусство обмана,
Он принял обличье седого брахмана.

Спросил у подвижника жрец престарелый:
«О бык средь отшельников, кроткий и смелый,

Куда ты спешишь? Для какого деянья?»
И Кашьяпа молвил: «Спасти от страданья

Парикшита мудрого: Такшака ныне
Ужалит его и приблизит к кончине.

Затем и спешу, о брахман седоглавый,
Чтоб ныне царя не лишились пандавы.

Нависла беда. Торопиться мне надо,
Царя исцелить от змеиного яда».

«Я — Такшака, — змей отвечал, — я тот самый,
Кто ввергнет царя в обиталище Ямы *,

Властителя смерти. Парикшита ныне
Ужалю я жалом в его же твердые.

Сегодня владыки лишатся пандавы;
Царя не спасешь от змеиной отравы!»

Воскликнул подвижник: «Тобою отравлен,
Он мною от гибели будет избавлен.

Я верю, всесильно мое врачеванье:
Могущество знания — его основанье!»

Ответствовал Кашьяпе змей непотребный:
«О, если владеешь ты силой целебной, —

Смоковницу, друг мой, тогда оживи ты:
Сейчас я кору укушу, ядовитый.

Ужалю, повергну я дерево в пламя, —
Погибнет с ветвями, листьями, плодами!»

Подвижник сказал: «О пылающий злобой,
Со мною помериться силой попробуй!»

Змей Такшака мощный, блестя, пресмыкаясь,
Тогда по дороге пополз, усмехаясь,

Вонзил он в кору ядовитое жало,
Смоковница, яда вкусив, запылала.

Она отгорела и стала золою.
Змей Такшака крикнул с улыбкою злою:

«Ты можешь ли дерево сделать из пепла,
Чтоб снова оно зеленело и крепло?»

Весь пепел подвижник собрал и ответил:
«От знанья — могуч я, от разума — светел.

Владычицу этих лесов оживлю я,
Своим врачеваньем ее исцелю я».

Наука сильнее змеиного жала.
Из пепла он создал отросток сначала.

Затем деревцо, неумело, несмело,
Листочками тонкими зазеленело,

Затем зашумело великой листвою,
Затем налилось оно силой живою,

Затем заиграло густыми плодами, —
Мудрец был доволен своими трудами.

И ствол увидав плодоносный, зеленый,
Тем Кашьяпой, мудрым врачом, оживленный,

Змей молвил: «Уменье твое мне открыло,
Что знанье сильней, чем змеиная сила.

Но что ты получишь, мудрец величавый,
Царя исцелив от змеиной отравы?

Ты знаешь, что проклят людей повелитель.
Зачем обреченному нужен целитель?

Достигнешь ли цели, о жалком радея?
Что даст тебе царь, то получишь от змея.

О мудрый, успех твой сомнителен, право,
Померкнет твоя громкогласная слава.

А я, чтобы сердцем познал ты отраду,
Вручу тебе все, что захочешь, в награду».

«Мечтаю, — подвижник сказал, — о богатстве.
Иду я к царю, не чини мне препятствий».

«Я дам тебе больше, чем хочешь, стократно,
Но, Кашьяпа, только вернись ты обратно».

Услышав подобные речи от змея,
Подвижник, движение дней разумея,

Постигнув, что в следствии скрыта причина,
Увидел, что дни сочтены властелина.

Поскольку проклятье должно совершиться,
Подвижник домой порешил возвратиться,

И змеем богатством большим награжденный,
Обратно отправился дваждырожденный,

А змей, преисполненный злобной гордыни,
Поспешно направился к царской твердыне.

Узнал он, что царь, опасаясь коварства,
Собрал во дворце лекарей и лекарства,

Собрал храбрецов, поседевших в сраженьях,
Собрал мудрецов, преуспевших в моленьях.

А Такшака-змея не любил заклинаний:
Отраву они обезвредят заране!

Решил он: «Мне сильные средства потребны, —
Обман, и коварство, и морок волшебный...»

Есть в мире нетленная, мощная сила.
Она-то, великая, мир сотворила.

Она существует, творить продолжая.
Но в мире есть также и сила другая:

Обман осязанья, и выдумка зренья,
И видимость мощи, и призрак творенья,

Над истинной силой порой торжествует,
И кажется всем, что она существует.

Случается так, что и тот ее хвалит,
Кого она режет, и рубит, и жалит.

Влечет она многих, свой облик скрывая,
Зовут ее майя *, обманная майя!

Смотрите на хитрость жестокого змея:
Он змей своих вызвал и, майей владея,

В подвижников праведных он превратил их,
Плодами, листьями, водою снабдил их.

Потом приказал им: «К царю над царями
Ступайте спокойно с благими дарами».

Кто б мог догадаться, что лживы растенья.
Вода — наважденье, плоды — привиденья!

С плодами, листьями, водой светлоликой
Предстали отшельники перед владыкой.

Он принял дары, мудрецам благодарный.
Не знал он, что странники эти коварны.

И стала душа у царя веселее.
Когда удалились отшельники-змеи,

Друзей и вельмож удостоил он чести,
Сказал им: «Со мною отведайте вместе

Плодов этих сладких, красивых, душистых,
Полученных мной от подвижников чистых»

И вот на плоде, что владыке достался,
Чуть видный, безвредный червяк показался.

Черны были узкие, томные глазки,
А скользкая кожица — медной окраски.

Советникам молвил властитель державы:
«Теперь ни к чему опасаться отравы.

День гаснет, и нечего больше страшиться.
Но так как проклятье должно совершиться,

То мы червяка возвеличить сумеем,
То мы наречем его Такшакой-змеем.

Меня он укусит, и в это мгновенье
Свершится греха моего искупленье!»

Советники, движимы роком всевластным,
Владыке ответили словом согласным.

А царь засмеялся и с вызовом змею
Себе червяка положил он на шею.

В беспамятство впал он, а все же смеялся,
Смеялся, а к смерти меж тем приближался.

Меж тем из плода, извиваясь кругами,
Змей Такшака вышел, прожорлив, как пламя.

Обвил он царя, смертным ужасом вея, —
Советники в страхе увидели змея!

Они разрыдались в безмерной печали,
От шипа змеиного прочь убежали.

В Парикшита жало вонзил ядовитый,
И царь задохнулся, кругами обвитый.

Тут на небо Такшака взвился могучий,
Подобный живой, огнедышащей туче,

И лотос окраскою напоминая,
За ним полоса протянулась прямая,

Подобная женской прически пробору.
И рухнул дворец, потерявший опору,

Упал, словно молнией быстрой сожженный:
Сожрал его пламень, из яда рожденный.

А в груде развалин, с обломками рядом,
Лежал повелитель, отравленный ядом.

Суровой никто не видал наказанья...
На этом главу мы кончаем сказанья.

ТРИ УЧЕНИКА МУДРОГО СТАРЦА

Затем совершили обряд погребальный.
Жрецы и вельможи, весь город печальный,

Простились навеки с царем знаменитым,
Коварной, змеиною силой убитым.

Замолкли унылые звуки рыданий, —
Другого избрали царя горожане.

То был Джанамеджая, отрок незрелый,
Парикшита сын благородный и смелый.

Вы помните матери змей предсказанье?
Сказала она сыновьям в наказанье:

«Придет властелин в заповедное время,
Предаст он огню ядовитое племя.

Придет Джанамеджая, змей уничтожит,
Змеиному роду конец он положит».

Не знал о заклятии отрок-властитель,
И царствовал мудро державы блюститель.

Однажды, питая к богам уваженье,
Он жертвенное совершал приношенье.

Молитвы не молкли, и пламя не гасло,
Горело, шипело топленое масло.

Рожден от Сарамы*, божественной суки,
Щенок прибежал на веселые звуки.

Смотрел он, как масло лилось в изобилье.
Тут братья царя его крепко избили.

Он ринулся к матери с визгом и лаем.
Сарама, — в правдивом преданье читаем, —

Считалась одним из творений почетных,
Являлась праматерью диких животных.

Спросила: «Сынок, кто побил тебя, милый?
Кто горя причина, обидчик постылый?»

«Царя Джанамеджаи старшие братья
Побили меня. Заслужил он проклятья!»

«Но ты пред царем виноват, очевидно?»
«Вины за мной нет, потому и обидно.

Спокойно стоял я, не пел, не плясал я,
И масла топленого там не лизал я».

Сарама, разгневана горестью сына,
Помчалась, предстала глазам властелина,

Предстала с обидой, с такими словами:
«Ни в чем не виновен мой сын перед вами,

А так как, ни в чем не повинный, избит он,
То будешь ты роком всевластным испытан,

Узнаешь ты мощь рокового удара,
Настигнет владыку нежданная кара».

Впервые в печали, впервые в тревоге,
Сидел Джанамеджая в царском чертоге.

Он думал: «Жреца мне домашнего надо,
От слов его чистых мне будет отрада,

Грехов моих действие он уничтожит,
Советом утешит, молитвой поможет».

В то время жил некий подвижник в покое.
Учились у мудрого юношей трое,

Учились его совершенному знанию
И Веда, и Аруни, и Упаманью.

Вот Аруни кликнул мудрец поседелый:
«Ступай и отверстие в запруде заделай».

Отправился Аруни, начал трудиться,
Но это не ладится, то не годится,

И что ни предпримет и что ни построит,
Отверстье в запруде никак не закроет.

Хорошее средство искал он, горя,
Нашел — и подумал: «Вот так поступлю я».

К воде наклонился он, широкогрудый,
Закрыв своим телом отверстие запруды.

Так несколько суток в воде пролежал он,
И собственным телом поток задержал он.

Наставник давно его ждал, волновался:
«Куда это Аруни верный девался?»

Он юношам молвил: «Что делать нам ныне?
Давайте все трое пойдёмте к плотине».

Пришли — и воскликнул дающий обеты:
«Эй, Аруни, сын мой, мы ждем тебя, где ты?»

Поняв, что друзья у реки появились,
Тотчас из отверстия Аруни вылез.

Сказал он, представ пред учителем: «Вот я
Работал весь день и всю ночь напролет я,

Не смог я заделать отверстие в плотине,
И в реку вошел я по этой причине.

Хотел я с порученным справиться делом,
Поток задержал своим собственным телом.

Услышав твой голос, я выпустил воду
И встал, твоему благодарный приходу.

Приказывай: видишь, стою пред тобою,
Доволен я буду работой люблюю».

Ответил учитель: «За это смирение,
За то, что исполнил мое повеленье,

Ты вечное счастье получишь в награду,
От гимнов священных познаешь усладу,

Сердца озаришь просвещенной беседой, —
Ступай же и людям закон проповедай».

...Другой ученик, молодой Упаманью,
Однажды учителя внял приказанью:

«Иди, Упаманью, мой сын, по долине,
Смотреть за коровами будешь отныне».

Весь день проведя за работою мирной,
Пастух возвратился — румяный и жирный.

Увидев, что, полный, веселый, стоит он,
Воскликнул учитель: «Ты слишком упитан!

Но где ты источник нашел пропитанья?»
А тот: «Я прошу у людей подаянья».

Наставник ответил: «Со мною ты связан,
Ты жертвовать мне пропитанье обязан».

Сказал мудрецу Упаманью: «Понятно».
Послушный, он к стаду вернулся обратно.

Домой на закате пришел он однажды:
Ни голода, видно, не знал он, ни жажды!

Опять перед старцем, румяный, стоит он.
Воскликнул учитель: «Ты слишком упитан!

А я-то считал, что живешь ты не сладко,
Добытое — мне отдаешь без остатка!

Но где ты теперь достаешь пропитанье?»
А тот: «Отдаю тебе все подаянье,

Но я на судьбу не ропщу, не горюю:
Я милостыню собираю вторую».

Воскликнул наставник: «Ты честь попираешь,
Ты жаден, мой сын, ты людей обираешь.

Притом ты и мне оскорбленье наносишь,
Когда подаянье вторично ты просишь».

Сказал Упаманью святому: «Понятно».
Послушный, он к стаду вернулся обратно.

Вот вскоре на время покинул он стадо:
Вручить подаянье учителю надо.

Опять перед старцем, румяный, стоит он.
Воскликнул наставник: «Ты слишком упитан!

Ты все подаянье сполна мне приносишь,
Вторично ты к людям не ходишь, не просишь,

Живешь ты, моим подчиняясь условиям, —
Но чем?» — «Молоком я питаюсь коровьим», —

Сказал Упаманью с глубоким поклоном.
А старец: «Пошел ты путем незаконным.

Тебе дозволения на это я не дал,
Чтоб вкус моего молока ты изведаль».

Сказал мудрецу Упаманью: «Понятно».
Послушный, он к стаду вернулся обратно.

С коровами побыл их друг неразлучный,
Пришел на закате по-прежнему тучный.

И вот пред учителем робко стоит он.
Воскликнул мудрец: «Ты все так же упитан!

Ты все подаянье сполна мне приносишь,
Вторично ты к людям не ходишь, не просишь.

Живешь, молоком не питаешься коровьим, —
Скажи, почему же ты пышешь здоровьем?»

Сказал ученик: «О наставник почтенный!
Теперь я питаюсь обильною пеной:

Ее подают мне губами своими
Телята, сося материнское вымя».

Наставник сказал: «Благородны телята.
Добру, состраданью верны они свято.

Тебя сожалея, — узнай же им цену! —
Они испускают обильную пену.

Страдают они от своей благодости.
Не смей даже пеной питаться отныне!»

Святому ответив послушливым словом,
Опять Упаманью вернулся к коровам.

Жрецу отдавал он суму с пропитаньем,
А после не шел за вторым подаяньем,

Не пил молока и не трогал он пены.
Почувствовал голод страдалец смиренный!

Однажды, унылой дорогой блуждая,
Четвертые сутки в лесу голодая,

Увидел он листья растения арки,
Что были совсем непригодны для варки,

На вкус отвратительны, горьки и едки,
Но листья сорвал он, в отчаянье, с ветки,

Поел их — и вздрогнул от боли великой:
Ослеп он, калекою стал, горемыкой.

Он долго скитался, не зная удачи,
И в яму внезапно свалился незрячий...

Воскликнул учитель, подвластный обетам:
«Отныне для юноши — все под запретом,

Он крепко теперь на меня рассердился,
Надолго теперь он со мной разлучился!»

Учитель пришел на дорогу лесную.
Он крикнул, приблизившись к яме вплотную:

«Да будет успех твоему упованью!
Ответствуй мне, где ты, мой сын Упаманью?»

«Я здесь! — загудело с травой и листьями, —
Учитель, я здесь, оказался я в яме!»

Наставник спросил: «Как ты в яму свалился?»
«Затем и свалился, что зренья лишился.

Прельстился я листьями арки-растенья,
Поел их, и сразу лишился я зренья».

Наставник сказал: «Помолись двуединым,
Дневной и вечерней зари властелинам * ,

Восславь близнецов — и вернешь себе зренье:
Даруют они и богам исцеленье».

Он встал на дороге, сказал на дороге:
«Я славлю вас, первожденные боги!

Томительно яркие, вы лучезарны,
Живое поет вам напев благодарный.

Вы — светлые птицы, могучи в полете,
Две ткани на дивном станке вы прядете.

День белую тканью блеснит мирозданию,
А ночь опускается черною тканью.

Есть в стойбищах ваших, обильных, прекрасных,
Двенадцать раз тридцать коров ярко-красных.

Все вместе приносят теленка с восходом,
Теленок такой именуется годом.

У вас — колесо, что вращается вечно,
Окружность того колеса бесконечна,

Вращается быстро, не зная износа,
И в том колесе — все земные колеса.

Оно обладает покоем и сменой,
Двенадцатью спицами, осью бесценной,

Дает оно возраст и землям и водам,
И то колесо именуется годом.

Вы — всадники света, вы — первые ласки,
И вестники цвета, и пестрые краски.

Пьют амриту боги, бессмертья напиток,
Я знаю, вы — амриты этой избыток.

Младенцы к груди материнской припали,
Вы — то молоко, что возникло вначале.

Вы — Ашвины, вам облака — изголовье,
Лишь вы, близнецы, мне вернете здоровье

Лишь вас почитая, мы будем здоровы,
Недаром расцвечены вами коровы.

И я, обездоленный, жалкий и нищий,
Прошу вас: небесной подайте мне пищи!»

Воспеты незрячим, отведавшим арки,
Явились два бога, томительно ярки.

«Лепешки поешь, — предложили с любовью, —
Мы рады, слепой, твоему славословию».

«Нельзя мне поесть, так как буду наказан:
Наставнику пищу отдать я обязан».

Владыки восхода, владыки заката
Сказали: «Наставник твой тоже когда-то

Вознес нам хваленья, источникам света,
Лепешку от нас получил он за это,

Он съел ее сам, чтобы сделаться чище,
Он тоже не отдал наставнику пищи.

Весьма мы довольны тобой, Упаманью,
Да будет награда смиренью, старанью.

И ты поступи, как наставник твой прежде,
Свой путь продолжая к добру и надежде!»

Поел он лепешки — и зренья обрел он.
Явился к наставнику, радости полон.

Наставник сказал: «Я доволен тобою.
Ты будешь обласкан счастливой судьбою».

Так был он испытан большим испытаньем,
Но радость пришла к нему вслед за страданьем.

Учился у старца и юноша третий,
Чьи силы тогда находились в расцвете.

«О Веда, — наставник сказал, — поработай
Ты в доме моем, послужи мне с охотой,

Придут к тебе благо, и свет, и победа».
«Согласен», — ответил учителю Веда.

Так Веда занялся работой домашней,
А также и садом, и лугом, и пашней.

Сушил его зной, и терзал его холод,
Изведал он жажду, познал он и голод.

Но вечно приветливый, кроткий, веселый,
Влачил он без ропота жребий тяжелый,

Тащил он, как вол, непомерное бремя.
Провел у наставника долгое время.

Сказал ему жрец: «Я доволен тобою.
Пошел ты прямой, справедливой тропею.

Нужна и в труде терпеливом отвага.
Теперь ты достиг совершенного блага».

Простился наставник с послушливым Ведой:
«О Веда, ступай и закон проповедуй».

Он стал проповедовать, знанью причастный.
Услышал о нем Джанамеджая властный.

Сказал ему: «Стань моим другом всегдашним,
Жрецом и наставником стань мне домашним.

Грехов моих действие ты уничтожишь,
Советом утетишь, молитвой поможешь».

И юноши стали учиться у Веды,
К нему собираясь для мудрой беседы,

Но помня житья подневольного тягость,
Он к ним проявлял снисхождение и благость,

Они познавали отраду ученья,
Не зная в учительском доме лишенья,

Не зная трудов ни зимою, ни летом...
Главу Махабхараты кончим на этом.

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ УТТА́НКИ,
УЧЕНИКА ВЕДЫ**

Учился у Веды подвижник прилежный,
Уттáнка по имени, юноша нежный.

Сказал ему Веда: «Пора мне в дорогу,
Пойду совершать приношения богу.

Останься, мой дом содержи ты в порядке,
Чего неостанет, пусть будет в достатке».

Тот юноша с Ведой на время расстался,
Он старшим в учительском доме остался.

Пришли к нему женщины, жившие в доме:
«Смотри, госпожа пребывает в истоме,

Супруг совершает сейчас приношенья,
А месячные у нее очишенья.

Чтоб не было время такое бесплодным,
Утешь ее делом, семейству угодным».

Ответствовал женщинам юноша чистый;
«Мне Веда велел: «По хозяйству трудись ты,

Уйду я, — мой дом содержи ты в порядке,
Чего неостанет, пусть будет в достатке».

Но мне не велел он, прощаясь приветно:
«Ты сделай и то, что грешно и запретно».

О том, что случилось, вернувшись обратно,
Учитель узнал ото всех многократно.

Восторгом душа мудреца озарилась:
Сказал он: «Какую желаешь ты милость,

О сын мой Уттанка? За верную службу
Прими от меня задушевную дружбу.

Ступай же, другим проповедуй ученье,
На это тебе я даю разрешение».

Уттанка ответственвал, радость почуя:
«Тебе удовольствие сделать хочу я.

Постиг я ученье, что мудро и свято.
За это учителю следует плата».

Учитель доволен был речью прямою.
Сказал: «Оставайся покуда со мною».

Минуло короткое время, и снова
Уттанка промолвил наставнику слово:

«Приказывай мне, разуменьем богатый:
Что сделать взамен, коль не хочешь ты платы?»

А тот: «Видно, жаждешь со мной распротиться,
Поэтому хочешь скорей расплатиться.

Ну что же, мою ты послушай супругу.
Какую прикажет, исполни услугу».

Пришел он к супруге учителя сразу,
Сказал: «Твоему подчинюсь я приказу.

Твой муж мне позволил домой возвратиться,
Но я за ученье хочу расплатиться.

Какое желанье в душе сберегла ты
И что принести тебе в качестве платы?»

Ответила та госпожа: «Знаменитый
Есть Паушья — царь; у него и возьми ты

Те серьги, которые носит царица;
Серьгами ты сможешь со мной расплатиться.

Четыре даю тебе дня, а на пятый
Вернись: я тотчас же потребую платы.

Наш праздник священный мы праздновать
будем
Я серьги надену, и выйду я к людям.

На серьги мои с восхищением глянув,
Исполнятся зависти жены брахманов!»

Уттанка отправился в путь и неожиданно
Увидел быка, не быка — великана!

Был всадник на нем исполинского роста.
«Уттанка! — он крикнул подвижнику просто, —

Испробуй быка моего испражненья!»
Уттанка не принял его предложенья.

Тогда обратился он к юноше снова:
«Не медли. Тебе не желаю дурного.

Наставник твой, Веда, отведал того же.
Последуй учителю, юный прохожий!»

У юноши спорить пропала охота,
Испил он мочи и поел он помета.

Свой путь он продолжил и прибыл, спокоен,
В тот город, где царствовал Паушья-воин.

Сказал он царю: «Благоденствуй, властитель.
К тебе во дворец я пришел как проситель».

А царь: «Лицезренье святого — отрада.
Скажи, господин мой, что сделать мне надо?»

Ответствовал Паушье гость юнолицый:
«О царь, подари ты мне серьги царицы.

Хочу, если ты не жалеешь утраты,
Отдать их учителю в качестве платы».

Царь молвил: «Войди ты к царице в покои,
Быть может, исполнит желанье такое».

В покои царицы ввели его слуги,
Но там не увидел он царской супруги.

Он Паушье крикнул: «Владыка и воин!
Там нет никого, твой обман непристойен!»

А царь: «Ну-ка, вспомни: ты чист? Не сердись ты,
Но видеть царицу не может нечистый».

Вовеки не смеет к царице в жилище
Войти оскверненный остатками пищи.

Погрязший в пороке ее не увидит:
К нему она, преданна мужу, не выйдет».

Услышав ответ непреклонный и строгий,
Уттанка воскликнул: «Я вспомнил: в дороге

Я пищи отведал, но так утомился,
Что после еды второпях я умылся».

Ответствовал Паушья: «В том-то и дело!
Лица омовенье, а также и тела,

Нельзя совершать на ходу или стоя,
Когда ты не хочешь лишаться покоя!»

Греха своего ученик устыдился,
Уселся, лицом на восток обратился,

Он вымыл лицо свое, руки и ноги,
Обмылся от скверны, от пыли дороги,

Затем, приближаясь к желанному благу,
По грудь погрузился в беззвучную влагу,

Испил ее трижды в предчувствии жажды,
Лицо свое чистое вытер он дважды,

В покой вошел и увидел: царица
Спокойно сидит, от него не таится.

Тогда поднялась она гостю навстречу,
Уттанку приветствуя нежною речью:

«Входи, господин. Говори: что ты просишь?»
«Те серьги прошу я, которые носишь:

Хочу, если ты не жалеешь утраты,
Отдать их учителю в качестве платы».

Был юноша чист, и прекрасен, и строен.
Решила царица: «Он дара достоин.

Заслужена юношей радость большая!»
Сняла она серьги, сказала, вручая:

«Змей Такшака жаждет их, злобный, могучий.
Ты будь осторожен и спрячь их получше».

Ответствовал гость: «Будь покойна, царица,
Змей Такшака биться со мной побоятся!»

Взяв серьги, обратно пошел он без страха.
Вдали он увидел святого монаха:

Едва лишь возникнув, терялся он сразу,
То зримый очам, то невидимый глазу.

Вдруг встретился юноша с бурным потоком.
Он серьги оставил на камне широком,

Пошел он к воде, чтобы сделаться чище,
А странник подкрался, приблизился нищий,

Он серьги схватил — и умчался, но скоро
Хозяин поймал двоедушного вора.

Тут выскользнул нищий монах, изогнулся
И Такшакой-змеем тотчас обернулся.

Проворно вошел он в отверстие долины,
В ту область, где род обитает змеиный.

В отверстие, прорытое алчным злодеем,
Спустился и юноша следом за змеем.

За Такшакой долго блуждал он во прахе.
Возникли пред ним две чудесные пряжи.

Сидели и пряли, и снова, и снова
Сливались в станке и уток и основа,

И черные нити и белые нити
Сплетались единою тканью событий.

Шесть мальчиков около женщин сидели,
Они колесо непрерывно вертели.

И мужа увидел он с пряжами рядом,
С челом необычным, с пронзительным взглядом.

Стоял возле мужа, источника власти,
Огромный скакун дымно-огненной масти.

Уттанка приблизился, плечи расправил,
И всех он такими стихами восславил:

«Хвала и привет шестерым юнолицам,
Привет колесу и двенадцати спицам!

О женщины-пряжи, пребудьте в почете,
Я вижу, что ткань вы все время прядете,

При этом миры, существа создавая,
И ткань ваша движется вечно живая!

Хвала и тому, чье лицо мне знакомо,
Хранителю мира, властителю грома!

Хвала: ты душой обладаешь великой,
Ты сделался трех мирозданий владыкой —

Подземной, земной и заоблачной шири,
Ты отпрыском вод почитаешься в мире.

Воссев на коня, ты его возвеличил.
Ты грозен, ты правду и ложь разграничил!»

Ответствовал муж: «Я доволен тобою.
Доволен я также твоею хвалою.

Какой же ты ждешь от меня благостыни?»
«Да будут мне змеи подвластны отныне!»

«Ты видишь коня? На него посильнее
Подуй — и тогда испугаются змеи».

Тут начал он дуть на коня до отказа.
Дым, смешанный с пламенем, вырвался сразу

Из пасти коня, из раздутого тела.
Змеинное племя, дрожа, зашипело,

Кругами вясь, заметалось в испуге,
Окурены были вельможи и слуги.

Змей Такшака выполз, охваченный страхом,
Окутанный дымом, осыпанный прахом.

Казалось, что змея трясла лихоманка.
Взмолился он: «Серьги возьми же, Уттанка!»

Уттанка, вернув себе дар драгоценный,
Подумал: «Сегодня ведь праздник священный,

Конец наступает мне данного срока,
А я нахожусь от хозяйки далёко!»

Утешил подвижника муж величавый:
«На этом коне из змеиной державы

Домчишься ты мигом, достигнешь ты цели.
Ступай же к супруге святого отселе».

Уттанка вскочил на коня огневого,
И конь, словно ветер, понес верхового.

Тот прибыл к хозяйке своей во мгновенье.
Жена мудреца, совершив омовенье,

Причесывать влажные косы уселась.
Ей серьги царицы надеть не терпелось,

Но видя: подвижника нет молодого, —
Сердилась, проклясть нерадивца готова.

Вот прибыл Уттанка со скоростью птицы,
Вошел к ней и подал ей серьги царицы.

Сказала в ответ госпожа: «Мне приятно,
Что вовремя ты возвратился обратно.

О сын мой, тебя собиралась проклясть я,
Но, славный, ты сделался спутником счастья!»

К наставнику также пришел он с приветом.
Тот молвил: «Я ждал тебя, сын мой, с рассветом.

Скажи, по какой задержался причине?»
Сказал ученик: «Я спешил по долине

И Такшаку встретил. Он, полон коварства,
Завел меня в пропасть, в змеиное царство.

В такие завел меня дальние дали,
Где пряхи, две женщины дивные, пряли.

Их белые нити, их черные нити
Сплетались единою тканью событий.

Учитель, ты многое видел на свете,
Скажи мне, кто дивные женщины эти?

Шесть мальчиков около женщин сидели,
Они колесо непрерывно вертели.

Вращаясь, мелькала за спицею спица.
Их было двенадцать, я мог убедиться.

Немало дорог исходил ты на свете,
Скажи мне, учитель: кто мальчики эти?

Увидел я мужа с пронзительным взглядом,
Увидел коня необычного рядом.

Но кто этот муж? Кто скакун быстроногий?
Когда еще раньше я шел по дороге,

Мне встретился муж на широкой долине,
Сидел он верхом на быке-исполине.

Сказал он мне с лаской: «Веленью последуй,
Быка моего испражненья отведай».

Поел я помет, чтобы не было бедствий.
Но что это значит? Учитель, ответствуй!»

«Две пряхи, — учитель сказал вдохновенно, —
Закон и Творенье, Недвижность и Смена.

Прядут они дни, и прядут они ночи,
Вовек не становятся нити короче.

Шесть раз изменяется наша природа,
Шесть мальчиков — шесть разновидностей года,

В году — в колесе — будут вечно кружиться
За месяцем месяц, за спицею спица.

Тот муж — это Индра, громами гремющий.
Тот конь — это Агни, огнями горящий.

Тот бык — первосозданный слон Айравата,
Сидел на нем Индра, чья сила крылата.

Не бычьим пометом, не бычьей мочою, —
Нет, амритой ты подкрепился святою!

От амриты дивной пришла к тебе сила,
Змеиная злоба тебя не сломила!

А Индра — мой друг. Он явил тебе милость,
И счастьем дорога твоя осветилась.

Ты Индре признателен будь за участие.
Ступай же, мой милый, найди свое счастье».

Уттанка отправился в путь, пламенея
Враждой против Такшаки, гнусного змея.

Увидел он в городе толпы народа:
Пришел Джанамеджая-царь из похода.

Почтил его царь-победитель беседой.
Поздравив сначала владыку с победой,

Уттанка сказал ему: «Царь над царями!
Как мальчик, ты занят пустыми делами,

Ты подвигам битвы предался всецело,
Забыл про другое, про главное дело!»

Сказал Джанамеджая, царь знаменитый:
«Для собственных подданных стал я защитой,

Я делаю все, что я сделать во власти,
Храню я приверженность воинской касте, —

Какого же дела не сделал иного?
Хочу твоего я послушаться слова».

Уттанка ответственвал прямо и смело:
«Твое это дело, сыновнее дело!

О царь, что над всеми царями прославлен!
Отец твой был Такшакой-змеем отравлен.

Душою великий, деяньем невинный,
Он умер, отведав отравы змеиной.

Как древо, сраженное громом в ненастье,
Отец твой от яда распался на части.

Всю землю подлейший из змей опечалил,
Когда богоравного жалом ужалил.

Заставил он Кашьяпу хитрым коварством
Вернуться обратно с целебным лекарством

И гнусно отца твоего уничтожил,
Царя, что людей благоденствие множил!

Ступай, отомсти за отца лиходею,
Ступай, отомсти многомерзкому змею!

О царь, ты пришел в заповедное время,
Сожги же в огне ядовитое племя!

Святому огню вознеси ты моленье,
Змеинога рода начни истребленье.

Всех змей ты сожги ради праведной мести,
А Такшаку злобного — с прочими вместе.

Тем самым и мне ты окажешь услугу:
Мне Такшака — враг. Помоги мне как другу».

От слов этих сделался царь воспаленным,
Как пламя, слиянное с маслом топленным.

Он крикнул советникам, крикнул вельможам:
«Змеиное племя дотла уничтожим!

Мы жертвенное совершим приношение,
Змеиного рода устроим сожженье!

Идемте же, следуя мудрым заветам!..»
Главу Махабхараты кончим на этом.

С О В Е Т   З М Е Й

В то время владыкой змеиной державы
Был Вâсуки опытный, сильный, лукавый.

Ему причиняло печаль и терзанье
Ужасное матери змей предсказанье:

«Придет властелин в заповедное время,
Придет — и сожжет он змеиное племя».

Чтоб как-нибудь сердце свое успокоить,
Решил он совет государства устроить.

Пришли на совет всевозможные змеи:
Монахи, врачи, мастера, чародеи,

Гуляки, ученые, стражи, вельможи
И воины с пышной раскраскою кожи.

Их множество было — усердных и праздных,
Чванливых, красивых, простых, безобразных,

Но разных, не схожих, — друг с другом сближало
С губительным ядом жестокое жало!

Так Васуки начал: «Вы знаете, братья:
Над нами нависла угроза проклятья.

Быть может, найти избавленье сумеем
От ужаса, ныне грозящего змеям.

Ломая преграды, с опасностью споря,
Мы средство находим от всякого горя,

Но это несчастье с другим несравнимо:
Проклятие матери неотвратимо!

Поныне, как вспомню я слово проклятья,
В испуге, в тоске начинаю дрожать я.

Я слышал, как вскрикнула мать на рассвете:
«Да будьте вы прокляты, злобные дети!»

При этом присутствовал Брахма извечный,
Творец изначальный, творец бесконечный.

Одобрил он матери каждое слово,
И стали мы жертвами жребия злого.

Да, гибель грозит поголовная змеям,
Проклятие матери мы не развеем,

Но, может быть, меры предпримем поспешно.
Чтоб месть властелина была безуспешна,

Чтоб с нами бороться судьба побоялась,
Чтоб месть Джанамеджаи не состоялась».

Так начали змеи совет многошумный.
Одни зашипели, весьма скудоумны:

«Мы примем подвижников мудрых обличье,
Являющих кротость, добро и величье,

Царю Джанамеджае скажем веленье:
«Ты праведных змей отмени истребленье».

Но им возразили ученые змеи:
«Вы глупы. Нам действовать надо хитрее

К царю мы придем как советники, слуги.
Окажем его государству услуги.

От нас он захочет услышать суждение:
Как надобно змей совершить всесожженье?

Тогда-то придумаем сотни препятствий.
Его мудрецов обвиним в святотатстве.

Царю мы свои приведем толкованья,
Примеры, и доводы, и основанья,

Докажем, что гибель змеиного рода
Для мира — несчастье, напасть и невзгода.

А если он хитрых речей не оценит,
А если сожжения змей не отменит,

То мы позовем остроумного змея,
Который, как бы о владыке радея,

Предстанет как жрец, с ним согласный во
взглядах,
И сведущий в жертвенных, сложных обрядах.

Войдя к властелину в доверье сначала,
Вонзит в Джанамеджаю грозное жало.

Когда же царя он смертельно отравит,
То змей от погибели страшной избавит».

Но добрые змеи тогда возразили
Ученым: «О нет, не желаем насилий!»

Должны мы о деле судить без пристрастья:
Не даст нам убийство покоя и счастья.

В опору возьмем, если беды нависли,
Невинность души, целомудрие мысли!

Убийство — ужаснее всех беззаконий.
Чем будете жаждать его исступленной,

Тем раньше погибнете смертью презренной:
В убийстве заложена гибель вселенной!»

«Ошиблись равно, — изрекли чародеи, —
Ученые змеи и добрые змеи!

Мы тучами станем и ливнем зловещим,
Как молнии мы, извиваясь, заблещем.

Мы жертвенный пламень водою потушим,
Тем самым и замысел царский разрушим».

«О братья! — воскликнули змеи-святоши, —
Давайте мы вспомним обычай хороший.

Чем эти пустые вести разговоры,
Пусть ловкие змеи, умелые воры,

Похитят и ковш и сосуд для обряда
У спящих жрецов. Так возникнет преграда

Возможна, друзья, и другая помеха,
Чтоб дело царя не имело успеха.

Прикажем бесчисленным двинуться змеям,
Народ искусаем и ужас посеем.

А то мы вползем в человечьи жилища,
И змеями будет испорчена пища.

Окажутся в пище моча, испражненья, —
Откажется царь от обряда сожженья!»

«Мы станем жрецами, — сказали вельможи, —
К владыке придем, на брахманов похожи,

Огромной потребуем жертвенной платы,
И царь Джанамеджая, страхом объятый,

Тогда-то в змеиной окажется власти,
И змей мы избавим от страшной напасти

Услышал ты, Васуки, наши сужденья.
Скажи, как избавиться нам от сожженья?»

Сказал повелитель змеиной державы:
«И вы, и другие, и третьи — не правы.

А что предпринять — я не знаю, о змеи,
От этого боль моя только острее!»

Тогда Элапáтра сказал осторожный:
«Сужденья, которые сказаны, — ложны.

Должно состояться огню приношенье,
Судьбы отменить невозможно решенье.

А так как от вечной судьбы мы зависим,
То с просьбою к ней голоса мы возвысим.

Я нечто скажу вам на этом совете:
Когда были прокляты матерью дети,

От страха взобрался я к ней на колени.
Премудрых услышал я стоны и пени.

Затем они к Брахме явились в тревоге.
«О бог-прародитель! — промолвили боги, —

Лишь то существо, что безумно и злобно,
Проклясть сыновей своих кровных способно.

Зачем же ты Кадру одобрил проклятье?
Скажи, прародитель, даруй нам понятье!»

Ответствовал Брахма всесущий, всеправый:
«Увы, изобилуют змеи отравой,

Несметны, коварны, сильны и жестоки,
Они, расплодясь, умножают пороки.

Одобрил я Кадру слова роковые,
Чтоб стали счастливее твари живые.

Огонь уничтожит свирепых, кусливых,
Зловредных, злокозненных, втайне трусливых,

В предательстве ловких, в обмане искусных
И всех ядовитых, презренных и гнусных,

Но те, что правдивы, добры, справедливы,
Честны и смиренны, — останутся живы.

От них отвращу беспощадную кару:
Родится великий мудрец Джараткару,

Свои обуздавший стремленья и страсти,
В смиренье познавший блаженное счастье.

Придет его сын, чистотой наделенный,
По имени Астика дваждырожденный.

Придет он в назначенный день приношенья,
Спасет добродетельных змей от сожженья».

Тут боги спросили творца-властелина:
«Кто матерью будет великого сына?»

«Узнайте, о боги, что дваждырожденный
Подвижник возьмет соименницу в жены.

Возьмет он, причастный высокому дару,
Супруг Джараткару — жену Джараткару.

Родит ему тезка могучего сына,
То будет любви, милосердия вершина».

Так Брахма промолвил в небесном чертоге.
Одобрили речь прародителя боги.

О Васуки, есть у тебя молодая
Сестра, что цветет, красотой блистая.

Недаром зовется она Джараткару:
Они образуют желанную пару.

Как только попросит себе подаянья
Мудрец, что свершает благие деянья, —

Как дань милосердия, лепту простую,
Отдашь ему в жены сестру молодую.

Ты облик людской навсегда ей присвоишь,
Змеиное царство навек успокоишь.

Тем браком счастливым беду мы развеем!»
Слова Элапатры понравились змеям.

Они восклицали: «Прекрасно! Прекрасно!»
На сердце у Васуки сделалось ясно.

Сказал ему Брахма: «Не бойся напасти.
Ты принял в труде благородном участие.

Я помню, мы сделали гору мутовкой,
А Васуки, длинного змея, — веревкой,

И стали, желая воды животворной,
Сбивать океан, беспредельно просторный.

За это сниму я с души твоей бремя.
Узнай же: пришло заповедное время.

Сгорят нечестивцы, погибнут злодеи,
Но живы останутся добрые змеи.

Живет уже мудрый подвижник на свете,
Безгрешный в законе, суровый в обете.

Чтоб не было то наказание жестоко,
О Васуки, жди надлежащего срока,

Сестру молодую подвижнику выдай.
Судьба не обидит невинных обидой,

Но только исполни мои приказанья!..»
На этом главу мы кончаем сказанья.

ПОДВИЖНИК ДЖАРАТКАРУ
И ЕГО ПРЕДКИ

В то время скитался паломник и нищий,
Суровый подвижник, умеренный в пище.

Томленья и страсти свои обуздал он,
Обет воздержанья давно соблюдал он.

Все дни проводил он в трудах покаянья,
И только добра совершал он деянья.

У мудрого было огромное тело,
Но, предан посту и молитвам всецело,

Уменьшил он тело, большое вначале, —
За это его Джараткару прозвали:

Ты, «Джара» услышав, — скажи: уменьшенье,
А «Кару» — суровость, суровость в решенье.

В обете суров, он удерживал семя.
Он с радостью нес непомерное бремя.

Покажется тяжким — он бремя утроит,
Где вечер застигнет — там ложе устроит.

В болотах лежал, по оврагам, в ухабах,
Свой подвиг свершал, непосильный для слабых,

В священных стихах обретал вдохновенье,
В священных местах исполнял омовенье,

Ища совершенства, по свету скитался,
Одним только воздухом странник питался,

Он чахнул, сося только листики с ветки...
Однажды подвижнику встретились предки.

К виране-траве прикрепленные, в яме
Висели те праотцы вниз головами.

От стебля одно волокно лишь осталось,
Которым спокойная крыса питалась.

Приблизившись к праотцам с видом печальным,
Он молвил беспомощным, многострадальным:

«Вы держитесь только за слабый и рваный,
Изглоданный крысою стебель вираны.

Сгрызет его крыса, что сбудется с вами,
О, в яме висящие вниз головами?

Скажите мне: кто вы? Ответьте, как другу,
Какую могу оказать вам услугу?

Могу ли спасти вас от бедствий, от бездны?
Да будут молитвы мои вам полезны!

Чтоб вызволить вас — мне поверьте, как
сыну, —
Отдам своих подвигов треть, половину!»

Ответили предки: «Подвижник блаженный,
Быть может, поступки твои совершенны,

Быть может, спасенье несчастным несешь ты,
Но с помощью подвигов нас не спасешь ты.

На поприще этом и мы подвизались,
Но мы без потомства, увы, оказались,

Поэтому горя познали мы жгучесть,
О мудрый, чья блещет великая участь!

С тех пор как над бездною адской повисли,
Утратили мы озарение мысли,

Тебя мы не можем узнать, но недаром
Скорбящим сочувствуешь с болью и жаром:

Достоин ты славы, любви, почитанья
За то, что исполнился к нам состраданья.

Услышь угнетенных мученья и стоны,
Узнай же ты, кто мы, о дваждырожденный!

Когда-то монахи, святые скитальцы,
Ты видишь, мы жалкие ныне страдальцы.

Умеренны в пище, не ведая крова,
Мы строгий обет соблюдали сурово,

Но так как мы не дали миру потомства,
То с бездною адской свели мы знакомство.

Добро мы творили, забыв о досуге,
Не полностью наши иссякли заслуги,

Осталось у нас лишь одно волоконце,
Еще не совсем нас покинуло солнце,

Но стебель порвется, — мы рухнем в потемки,
Затем, что от нас не родились потомки.

У нашего рода, что прежде был громок,
Есть, правда, единственный в мире потомок,

Брахман Джараткару, великий подвижник,
Хранитель преданий, отшельник и книжник.

Несчастный живет, не питая желанья,
Усердно блюдет он обет воздержанья,

Не зная любви, наслаждений взаимных,
Зато разбираясь в молитвах и гимнах.

Великий душою, бичует он тело,
Духовным делам предаваясь всецело.

Хотя и огромны святого заслуги,
Но нет у него ни детей, ни супруги.

Он к подвигам, он к воздержанию жаден,
Поэтому жребий отцов безотраден.

В его голове — только глупые бредни,
Поэтому он в нашем роде — последний.

А мы, из-за глупого родича, в яме
Повисли, унылые, вниз головами.

Быть может, ты встретишь его на дороге,
Тогда ты скажи ему: «Праведник строгий,

Отшельник, мудрец, чьи достоинства редки!
На стебле вираны висят твои предки.

От стебля осталась им самая малость,
И ты — эта малость, что предкам осталась.

Как можешь ты предкам являть вероломство?
Супругу возьми, чтоб оставить потомство!»

На стебле вираны висим, не виновны.
Тот стебель непрочный — наш ствол
родословный.

Изгрызена крысой вирана-растенье,
То — временем съедено все поколенье.

Висим на одном волоконец до срока, —
На сыне висим, что живет одиноко.

А крыса, которую видишь ты в яме,
То — время, что властно от века над нами.

Оно Джараткару съедает неспешно,
А тот, возомнив, что живет он безгрешно,

Гордясь, что обет соблюдает сурово,
Идет, отрешенный от горя людского.

Смотри, как бесчувственен, как малодушен,
Брахман, что одним лишь уставам послушен!

Нам подвигов мужа святого не надо,
Не ими спасемся от страшного ада!

О путник, услышал ты наше стенанье.
Разрушено временем наше сознание,

Мы терпим душевные муки, болезни,
Как грешники, мы устремляемся к бездне.

Но будет и правнук наш временем скошен,
Как праотцы, в бездну мучения брошен.

Пойми ты, что подвиги, жертв приношение,
Преданий, молений святых изучение,

Твое устремление к делам превосходным —
Ничто, если ты оказался бесплодным!

Тебе говорим, как надежному другу:
Скажи Джараткару, чтоб взял он супругу,

Чтоб нам он помог, сострадания полон,
Чтоб с милой женой сыновей произвел он!»

Сказал Джараткару в тоске безутешной:
«Я — сам Джараткару, я правнук ваш грешный.

Я делал дурное, умом недалекий.
Меня вы подвергните каре жестокой!»

Воскликнули праотцы: «Славой богатый,
Скажи, почему ты живешь неженатый?»

Сказал Джараткару: «Я думал, о деде,
Путем воздержанья добиться победы.

Грехов уменьшенье, суровость в решенье —
Вот имя мое, вот мое назначенье.

Не мне, у которого нет достоянья,
Жену содержать — и просить подаянья.

В душе моей мысль утвердилась такая:
Невинности твердый обет соблюдая,

Себя от греха наслажденья избавлю
И тело свое в небеса переправлю.

Но ваши увидел я тяжкие беды,
Теперь прекращу воздержанье, о деде.

Угодное вам совершу, без сомненья:
Женюсь я для вашего, деде, спасенья.

Но знайте: для подвигов трудных рожденный,
Возьму лишь одну соименницу в жены.

Да будет мне имя ее в утешенье:
Грехов уменьшенье, суровость в решенье.

Пускай мне дадут ее как подаянье,
Я сам содержать ее не в состоянье.

Как только найдется такая девица,
Что лептою стать для меня согласится, —

Возьму ее в жены, но только такую,
И знайте: отвергну любую другую».

Промолвил он праотцам твердое слово,
Простился, и начал он странствовать снова.

Не мог отыскать себе девушку в жены
Затем, что состарился дваждырожденный.

В отчаянье впал он от долгих блужданий.
Он в лес удалился для громкий рыданий:

«О вы, что недвижны, о вы, что подвижны,
И те, что сокрыты, уму непостижны,

И те, что увидели солнце впервые, —
Услышьте мой голос, о твари живые!

Я — бедный отшельник, суровый в обете,
Скитаясь, давно пребываю на свете.

Себе воздержанье избрал я оплотом,
Но предки мои, истомленные гнетом,

Велят мне: «Женись, чтобы чистая дева
Продлила с тобой родословное древо».

Скитаньям не зная предела и края,
Приятное праотцам сделать желая,

Брожу я по свету, надеясь жениться,
Но только такая нужна мне девица,

Что будет мне выдана как подаянье,
Затем, что живу я в посте, в покаянье.

Подвижные твари, недвижные твари!
Когда о подобном услышите даре,

О девушке, стать подаяньем готовой
Несчастному нищему с долей суровой,

Которому брак против воли навязан,
Который ее содержать не обязан,

О той, что моей назовется женою,
Что носит единое имя со мною, —

Живет она в близкой ли, в дальней округе, —
Отдайте мне девушку эту в супруги!»

О том, что подвижник задумал жениться,
Услышали зверь, насекомое, птица,

Каменья, и рыбы, и реки, и травы,
А также и племя змеиной державы.

Их Васуки вслед за брахманом отправил,
Своих соглядатаев всюду расставил.

Услышав подвижника стоны и клики,
Те змеи с известьем примчались к владыке,

А тот повелел, возбужденный и бодрый,
Послать за сестрою своей дивнобедрой.

Невесту-змею, незнакомую с ядом,
Украсили ярким, веселым нарядом,

И в лес, где блуждал Джараткару с тоскою,
Отправился Васуки с юной сестрою.

Встречали их ветви плодами и цветом...
Главу Махабхараты кончим на этом.

ДЖАРАТКАРУ-ПОДВИЖНИК
И ДЖАРАТКАРУ-ЗМЕЯ

Подвижнику Васуки молвил при встрече:
«Твои услышал я призывные речи.

О странник, не шел ты по странам впустую:
Прими подаянье — жену молодую».

Спросил его праведник, радуясь дару:
«Как звать ее?» Змей отвечал: «Джараткару».

Но праведник, все еще не убежденный,
Колеблясь, не взял дивнобедрую в жены.

Сказал: «Содержать я супругу не стану».
Змеиный властитель ответил брахману:

«Красавица эта — сестра мне родная.
Стезей добродетели твердо ступая,

Подвижнику сделаться хочет супругой,
Возлюбленной чистой и верной подругой.

Свою соименницу в жены возьми ты,
О славный отшельник, мудрец знаменитый,

А я содержать ее стану и всюду
Ей твердой защитой, охраной пребуду!»

Услышав слова: «Содержать ее стану,
Я дам ей защиту, я дам ей охрану», —

Взял за руку мудрый подвижник невесту,
Отправились оба к священному месту.

Пришлась ему девушка эта по нраву,
Они поженились согласно уставу.

Змеиный властитель отвел им покои,
Где странник убранство нашел дорогое,

Где были ковры в жемчугах, покрывала,
Которыми дивное ложе сверкало.

Супруге промолвил подвижник женатый:
«Лишь то, что угодно мне, делать должна ты.

А будет мне дело твое неприятно, —
Уйду я, покину твой дом безвозвратно.

Коль хочешь ты быть мне хорошей женою,
Запомни слова, изреченные мною».

Услышав приказ, непреклонный и мрачный,
Затмилась печалью душа новобрачной.

Супруга, чтоб горе не вышло наружу,
«Да будет по-твоему», — молвила мужу.

И стала — стыдлива, нежна, величава, —
Прислуживать мужу столь тяжкого нрава.

Пред ним трепетала жена молодая,
Малейшую прихоть его исполняя.

Свои продолжал он святые занятия.
Вот время благое пришло для зачатья.

Тогда, совершив омовенье заране,
К супругу приблизилась тонкая в стане.

Зародыш возник в ее чреве мгновенно,
Зажегся, как луч, засверкал сокровенно.

Как пламя блестящий, как пламя всесильный,
Он вспыхнул, духовною мощью обильный.

Как месяц в его полнолуное время,
Блестая, росло благородное семя.

А муж становился суровей и строже.
Однажды, с женой пребывая на ложе,

Он голову ей положил на колени,
Заснул, утомлен от трудов и молений.

Заснул величайший подвижник в ту пору,
Как солнце уже заходило за гору.

Жена, с мудрецом возлежавшая рядом,
С младенчества предана чистым обрядам,

Подумала: «Мужу, согласно обету,
Пора поклониться вечернему свету.

Будить мне его, или будет пристойно
Не трогать его, чтобы спал он спокойно?»

Будить? Но тогда его сон я нарушу!
Не трогать? Заставлю страдать его душу!

Так что же мне делать? Не ведаю, право:
Супруг мой крутого, сурового нрава!

Будить? На меня он обрушится гневно!
Не трогать? Но будет скорбеть он душевно:

Не видя, как солнце сошло с небосклона,
Допустит мой муж нарушенье закона!

Я знаю, что гнев мудреца — прегрешенье,
Но все же закона страшней нарушенье!»

Змея Джараткару, жена молодая,
Так мудро о благе и зле рассуждая,

Решилась — и мужу сказала учтиво,
Пленительно, ласково, сладкоречиво:

«Безгрешный в законе, могучий в ученье,
Услышь, господин мой, служанки реченье!

Как бог семипламенный, семязыкий,
Ты спишь, наделенный судьбою великой.

О, встань, господин, ибо день на исходе
И скоро стемнеет на всем небосводе.

К воде прикоснувшись и верен уставу,
Воздай ты вечернему сумраку славу!

Есть в этом мгновенье и страх и отрада.
Начни, господин, совершенье обряда.

Пора приниматься за доброе дело,
На западе, муж мой, уже потемнело!»

Подвижник ответил супруге сурово, —
От гнева дрожали уста у святого:

«Жена, про свое ты забыла служенье,
Ко мне проявила ты пренебрежение.

Я верил, я черпал в той вере опору,
Что солнце не сможет в обычную пору

Зайти, если сплю я: сильнее моя сила!
Меня разбудив, ты меня оскорбила.

Змея дивнобедрая, тонкая в стане!
Отныне уйду я для новых скитаний

Затем, что мудрец покидает обитель,
Где с ним обитает его оскорбитель!»

Змея Джараткару, дрожа от испуга,
Сказала, покорная воле супруга:

«К тебе не явила я пренебреженье,
Невольное ты мне прости прегрешенье.

К тому я стремилась, о верный обету,
Чтоб ты поклонился вечернему свету».

Сказал Джараткару, смягчившись немного:
«Я слово изрек непреложно и строго.

Уйду, как пришел я. Тебе это трудно,
Но так мы решили с тобой обоюдно:

Свершишь неугодное мне, господину, —
Уйду я, твой дом безвозвратно покину.

О милая, жил я счастливо с тобою,
Скитальческой снова пойду я тропюю.

Служила ты мне терпеливым служеньем,
Прощай, о змея с безупречным сложеньем!

Ты брату скажи, что ушел я отныне.
Иди, не скорби о своем господине».

Лицо у жены потемнело от муки.
С мольбою сложила бессильные руки.

На мужа она посмотрела глазами,
Омытыми нежного сердца слезами.

Душа у стыдливой жены загорелась.
Не зная, откуда взялась ее смелость,

Прелестная, робкая, тонкая в стане,
Ответила голосом, полным рыданий:

«Супруг, соблюдающий свято законы,
Яви милосердие мне, благосклонный!

Я тоже закон исповедую свято,
Пред мужем возлюбленным не виновата.

О благе твоём я пекусь каждодневно,
Взгляни ж на меня, господин мой, безгневно.

Ужели, великий, уйдёшь ты отселе,
Покинув меня, не достигшую цели?

Что скажет мне Васуки, жалкой, несчастной,
Чья брачная жизнь оказалась напрасной?

Я стала твоей, домогаясь зачатья
Во имя спасения змей от проклятья.

Ещё не созрело желанное семя,
Которым спасется змеиное племя,

Оно ещё только зародыш безликий,
А ты меня хочешь покинуть, великий!

Прошу я для блага породы змеиной:
Останься со мной, пред тобой неповинной!»

Ответил подвижник супруге стыдливой:
«Отныне себя почитай ты счастливой.

Зародыш, который в тебе возрастает,
Умом и великой душой заблестит.

Как бог вековечный, как пламя и влага,
Он явится в мир для всеобщего блага.

Он будет подвижником, мудрым ученым,
В преданьях, в священных стихах искушенным.

Могуч, как гроза, и, как воздух, целебен,
Всему человечеству будет потребен.

Он есть! — Джараткару сказал на прощанье, —
Исполнит он Брахмы-творца обещанье!»

Сказав, удалился подвижник блаженный.
Душой справедливый, умом совершенный.

Забыл о дворце, о блестящем убранстве,
Ушел он для нищенства, подвигов, странствий.

Жена молодая, грустна, безутешна,
Отправилась к Васуки-змею поспешно.

О том, что случилось, поведала брату,
Оплакала горько живую утрату.

Сказал он, печалью сестры огорченный
И сам еще больше судьбой удрученный:

«Ты с детства слышала вещие речи.
Ты облик навек приняла человеческий.

Была в твоём браке и цель и причина.
Должна ты родить несравненного сына.

Вершины постигнув законоученья,
Избавит он родичей-змей от сожженья.

Не должен твой брак с мудрецом благородным,
Пойми же, сестра, оказаться бесплодным.

Скажи мне всю правду: могучий ученый,
Подвижник и праведник дваждырожденный,

Тебя одарил ли зародышем сына?
Я знаю, об этом не смеет мужчина

Расспрашивать, — мне же нужда повелела;
Спросил только вследствие важности дела!

Теперь Джараткару блуждает повсюду.
Преследовать мужа сестры я не буду:

Он может проклясть меня, в гневе горячий,
И нашему делу не будет удачи.

Но что нам до мужа, сурового в гневе?
Поведай сестра: есть дитя в твоём чреве?»

Тогда, повелителя змей утешая,
Сказала сестра: «Ждет нас радость большая.

Сказал мне супруг, разуменьем богатый:
«Теперь, о змея, тосковать не должна ты.

Подобный палящему солнцу блистаньем
Твой сын удивительным будет созданием,

Чей жар будет равен полдневному жару.
Он есть! — на прощанье сказал Джараткару, —

Он есть!» — удаляясь, промолвил он снова,
А слово подвижника — верное слово!»

И змей, осчастливлен подобным ответом,
Сестру подношеньем почтил и приветом,

И все исполняли ее указанья...
На этом главу мы кончаем сказанья.

АСТИКА ДВАЖДЫРОЖДЕННЫЙ

Как месяц в свое полнолуное время,
Блестая, росло драгоценное семя.

Росло, чтоб исполнить свое назначенье,
От солнца в нем были и мощь и свеченье.

Пылал и сверкал он, безликий покуда, —
Зародыш той силы, что делает чудо.

Змея дождалась надлежащего срока,
Чтоб сын засиял и вблизи и далёко.

Младенец как солнечный отблеск явился, —
Казалось, божественный отпрыск родился.

От блага рождения принял он бремя:
Избавить от страха змеиное племя.

Он рос, изучая закон величавый,
В чертоге владыки змеиной державы.

Изведаль он гимны, узнал он преданья,
Которые были древней мирозданья.

От знания он сделался дваждырожденным,
Святым правдолюбцем, премудрым ученым.

Он понял, что есть у творений бессчетных,
У птиц, у людей, у растений, животных, —

Единый язык и закон соучастья
В деяниях правды, сочувствия, счастья.

Он понял, великим умом озаренный,
Что все подчиняются наши законы

Закону тому, что рожден в человеке:
Живущему зла ты не делай вовеки,

Живи, никому не внушая боязни,
Исполненный к тварям добра и приязни,

Не смей убивать ни растение, ни зверя,
Единою мерой себя с ними меря.

Отмеченный кротостью и бескорыстьем,
Будь милостив к людям, и птицам, и листьям,

Прощенье и правда в деянье и в речи, —
Вот высший закон, вот закон человечесий!

Он рос, величайший закон постигая,
Дорога пред ним открывалась благая.

О нем, что в утробе лежал, не рожденный,
«Он есть!» — Джараткару сказал убежденный,

«Он есть! — повторяли все твари сердечно, —
Он — Астика, он — Существующий Вечно,

Затем, что всегда существует познать!»
Прославленным сделалось это прозвание,

Оно прославлялось, подобное чуду,
И рос мальчуган, почитаем повсюду.

Возмездье меж тем приближалось к виновным,
Грозя истреблением змей поголовным.

Змей Васуки молвил сестре Джараткару:
«Предчувствую, милая, грозную кару.

Но сын твой мужает, растет мой племянник,
В грядущем — великий подвижник и странник.

Открой мальчугану его назначенье:
Несчастных спасти, отвратить всеожженье».

Послушалась добрая женщина змея
И молвила Астике, близких жалея:

«Мой сын, не стремясь к наслажденью, к
веселью,
Я замуж пошла с предначертанной целью.

Узнай же замужества цель и причину,
Змеиною племени страх и кручину.

Решила красавица Кадру когда-то, —
Об этом, о сын, я узнала от брата, —

«Он черный!» — сказать о коне беломастном,
Как свежее, сбитое масло прекрасном.

Промолвила змеям: «Коня перекрасим», —
Надеюсь, что дети ответят согласьем.

Но змеи не приняли слов криводушных,
И мать прокляла сыновей непослушных:

«Придет Джанамеджая, змей уничтожит,
Змеиному роду конец он положит.

Придет властелин в заповедное время,
Придет и сожжет он змеиное племя».

Но Брахма, создавший творенья живые,
Ответил на эти слова роковые:

«Сгорят нечестивцы, погибнут злодеи,
Спасутся невинные, добрые змеи.

Лишенные жала останутся живы.
Придет Джараткару, безгрешный, правдивый,
Придет и возьмет соименницу в жены.
Родится их сын, чистотой наделенный,
По имени Астика, правды блюститель, —
То будет змеиного рода спаситель».

Теперь ты узнал, о взлелеянный мною,
Зачем я подвижнику стала женою.

Тебя родила я с великою целью.
О сын мой, нельзя предаваться безделью,

К царю Джанамеджае двинуться надо:
Готовы уже и алтарь для обряда,

И жертвенный ковш, и сосуд, и поленья, —
Вот-вот загорится огонь истребленья!

О сын мой, рожденный для нашего блага,
В чьем сердце — добро, справедливость, отвага,

Скажи мне, могу ли спасения ждать я,
Скажи мне, избавишь ли змей от проклятья?»

Ответствовал Астика: «Правду восславлю,
Живые творенья от смерти избавлю».

Чтоб чудо свершить, порешил он сначала
О змеях узнать, не имеющих жала,

Узнал он подъявшего море и сушу, —
Он Шеши узнал справедливую душу,

Узнал он о змеях, лишенных отравы,
Узнал их поступки, и мысли, и нравы,

Услышал в правдивом преданье старинном
О добрых подвижниках в царстве змеином,

Стремящихся к благу, не склонных к наветам...
Главу Махабхараты кончим на этом.

О ДОБРЫХ ЗМЕЯХ

Пак сказано в древнем преданье известном:
Есть разные твари на своде небесном,

Там есть полудемоны, есть полубоги,
Проходят порой по земле их дороги.

Там есть песнопевцы, чьи звонки напевы,
Там есть дивнобедрые, стройные девы.

Однажды с небесною девою прекрасной
Сошелся один полубог сладкогласный.

От бремени срок наступил разрешиться,
Дитя подарила земле чаровница.

В прибрежных кустарниках, в месте безлюдном,
Оставила девочку с обликом чудным.

К реке приближался подвижник в ту пору.
Предстало дитя изумленному взору.

Увидев прелестное это создание,
Почувствовал странник любовь, состраданье.

Он девочку взял, и взрастил, и взлелеял,
В душе у нее добродетель посеял.

Она ему дочерью стала приемной,
Росла, расцветая, в обители скромной.

Красавица лучшей из девушек стала,
И прелестью и благочестьем блистала.

Однажды чудесную, как сновиденье,
Подобную лотосу в нежном цветенье,

Увидел брахман молодой и красивый,
По имени Руру, подвижник правдивый.

Посватался к девушке дваждырожденный,
Стремительным богом любви * побежденный.

Приемный родитель ответил согласьем,
Воскликнул: «Мы свадьбою землю украсим!»

Назначил он день по особенным знакам,
Который счастливым способствует бракам.

За несколько суток до свадьбы невеста,
С подругами выбрав прелестное место,

Играла, плясала в одежде блестящей,
Играя, змеи не заметила спящей,

Которая в скользкие кольца свернулась,
От песен и смеха подруг не проснулась.

Как вдруг наступила, влекомая роком,
Невеста на эту змею ненароком.

Змея, в состоянье еще полусонном,
К тому побужденная властным законом,

Вонзила в красавицу гнусное жало, —
Невеста, отравлена ядом, упала.

Но даже мертва, холодна, бездыханна,
Была она взору мила и желанна,

Лежала на теплой земле без движенья,
Подобная лотосу в пору цветенья.

От яда змеиного, ярко блистая,
Сильней расцвела красота молодая.

Взглянув на нее, испугались подруги,
И стон по лесной покатился округе.

Приемный отец и жених закричали,
Друзья зарыдали в безмерной печали,

Отшельники мудрые вышли из келий,
Подвижники, странники, плача, сидели

Вокруг бездыханного юного тела,
И все, что цвело, об усопшей скорбело,

И Руру смотрел обезумевшим взглядом
На юность, убитую мерзостным ядом.

Снедаемый скорбью великой и жгучей,
Оттуда он в лес удалился дремучий.

Он жалобно сетовал, горем палимый.
Он плакал о ней, он рыдал о любимой:

«Лежит без движенья жена дорогая,
Безмолвно страданье мое умножая,

Лежит на земле бездыханною тенью,
Как лотос, который стремился к цветенью.

Но все возрастает ее обаянье,
И если я всем раздавал подаянье,

И если обет исполнял я сурово,
И если трудился для блага людского,

И если познал я духовное счастье,
Затем, что с рожденья обуздывал страсти,

И если не тщетно мое благочестье,
То жизнь да вернется к любимой невесте,

И если дана моим подвигам сила, —
Хочу, чтоб невесту она оживила!»

Внезапно богов появился посланник.
Сказал он: «О Руру, подвижник и странник!

К чему твои речи? От брэнного слова
Нельзя мертвецу превратиться в живого,

И если от смертного жизнь отлетела, —
Не слово ему помогает, а дело!»

«Какое же дело судили мне боги?
Поведай, о путник с небесной дороги!»

«Змеєю отравленной в злую годину
Ты собственной жизни отдай половину.

Зачтется подвижнику эта заслуга,
Отдашь — и воспрянет из мертвых подруга!»

Ответствовал Руру небесному сыну:
«Я жизни своей отдаю половину!

Пускай же, змеиным отравлена ядом,
Украшена прелести юной нарядом,

Любовью увенчана, счастьем сверкая,
Воспрянет невеста моя дорогая!»

Небесный посол, снаряженный богами,
Явился тогда к правосудному Яме,

К властителю смерти, к владыке закона.
Сказал ему: «Просьбе внемли благосклонно!

Есть Руру, подвижник, познавший кручину,
Он жизни своей отдает половину,

Чтоб жизнь ты вернул его мертвой невесте.
Какие страдалцу поведать мне вести?»

Ответствовал вестнику бог правосудный:
«Да жизнь возвратится к красавице чудной!

Пусть тот, кто сильнее отравы змеиной,
Пожертвует жизни своей половиной.

Воспрянет красавица этой ценою,
Подвижнику доброму станет женою».

Так сказано было владыкой закона,
И мертвая дева, без боли, без стона,

Как будто от сна для блаженного бденья,
Как лотос, взлелеянный силой цветенья,

Воспрянула, заново жить начиная,
И сделалась ярче краса молодая.

Так праведной жизни своей половиной
Пожертвовал Руру подруге невинной.

Счастливый жених устремился к невесте,
И свадьбу сыграли, и зажили вместе

Две жизни, — супруг, отыскавший супругу, —
Добра и отрады желая друг другу.

А Руру поклялся, исполненный гнева:
«Пойду ли я вправо, пойду ли я влево,

В лесу или в поле, вблизи иль далеко,
Но змей истреблю я повсюду жестоко!»

Он палицей змей убивал повсеместно:
Святому пощада была неизвестна.

Однажды в лесу, у прогнившей колоды,
Он змея узрел незнакомой породы:

На солнышке грелся он, вытянув тело,
Бессильная старость его одолела.

Как будто орудьем судьбы, свирепая,
Подвижник ударил дубиной змея.

Тот молвил: «Отшельник, услышь мое слово!
Тебе я вреда не нанес никакого,

Зачем же пришел ты, о праведник, в ярость?
Ты бьешь меня палкой, презрев мою старость!»

«О змей, я не внемлю твоей укоризне!
Супругу мою, что милее мне жизни,

Змея отравила смертельной отравой.
Поклялся я клятвою грозной и правой:

«Куда ни пойду я, всегда и повсюду
Я змей убивать многомерзостных буду».

Поэтому я и тебя уничтожу,
Убью, разорву непотребную кожу!»

Ответствовал змей: «О брахман знаменитый!
Не все мы свирепы, не все ядовиты,

Не все мы жестоки и втайне трусливы,
Не все мы коварны и алчно кусливы,

Не все мы злодействуем, жалим, клеветим,
Не все мы в сообществе слиты зловещим!

Вот наша порода — людей не кусает
И даже порою от яда спасает.

Мы многих творений добрее, честнее,
О странник, мы только по запаху змей,

Мы обликом схожи, окраскою кожи, —
Зато мы душою и сердцем не схожи.

Мы связаны с ними названием общим,
Но разное любим, по-разному ропщем.

Мы связаны с ними несчастьем единым,
Но счастьем не схожи со счастьем змеиным.

Не схожи по нашим делам и стремленьям,
Хоть нас презирают единым презреньем.

Иного мы жаждем, иное провидим,
И змей мы не меньше, чем вы, ненавидим».

Смутился, подумал испуганный Руру:
«На жизнь мудреца покусился я сдуру».

Сказал он тому необычному змею:
«Тебя убивать не желаю, не смею.

Но кто ты, кому даровал я прощенье?
Ты, может быть, змей, испытал превращенье?»

Ответствовал змей: «Был я праведник строгий,
Известный под именем «Тысяченогий».

Но был я разгневанным проклят брахманом,
И змеем безвестным я стал, безымянным».

Подвижник спросил: «По какой же причине
Ты проклят и ползаешь змеем поныне?

Ты в облике этом пребудешь доколе?
Ответь мне, причастный страдальческой доле!»

Сказал ему змей незлобивой породы:
«Дружил я с брахманом в давнишние годы.

Однажды, огню исполняя служенье,
Он жертвенное совершал приношение,

А я развлекался, как мальчик лукавый, —
Я сделал змею из травы для забавы.

Увидев змею, что ползла среди праха,
Подвижник сознания лишился от страха.

Богатый молитвами, правдоречивый,
Взыскующий истины, благочестивый,

Обетам и подвигам предан сурово,
Не сразу пришел он в сознание снова.

Сказал он, меня точно гневом сжигая:
«Твоя ненавистна мне выдумка злая!

Решив посмеяться над скромным брахманом,
Змею из травы ты сработал обманом.

Подобие сделал ты — мне в устрашение,
Когда я огню совершал приношение.

Ты был образцом, но подобием станешь,
Ты был мудрецом, — ныне к змеям пристанешь,

Ты будешь змеею, такой же бессильной!» —
Он крикнул, духовною мощью обильный.

Склонившись пред мужем, могучим в законе,
Смущенный, смиренно сложил я ладони,

Сказал я, свой жребий предчувствуя жуткий:
«Мой друг, я змею сотворил ради шутки,

Поверь же, брахман, что совсем не по злобе
Я создал одно из противных подобий.

Ты строг, но для друга ты сделай изъятие.
Прости же меня, отмени ты проклятье!»

Так плакал, молил я, судьбой удрученный.
Подвижник, раскаяньем чистым смягченный,

Ко мне обратился с таким заклинаньем, —
Дышал он горячим и частым дыханьем:

«Я слово сказал, и оно — непреложно.
Проклятье мое отменить невозможно.

Но так как с тобою дружили мы прежде,
То в сердце ты выбери место надежде.

Ты жди, о мудрец, надлежащего срока.
Родится подвижник, брахман без порока.

Придет он к тебе, милосердые проявит,
Тебя от проклятия Руру избавит».

Жреца поразив этой мудрою речью,
Он принял и облик и стать человечесью,

Подобьем он был — в образец превратился,
Исчезла змея, и мудрец возродился!

Сказал он: «Ты видишь, о твердый в обете,
Что есть и хорошие змеи на свете.

Поведал нам тот, кто творения множит:
«Придет Джанамеджая, змей уничтожит,

Сгорят нечестивцы, погибнут злодеи,
Спасутся невинные, честные змеи,

Которые жаждут добра и познания!..»
На этом главу мы кончаем сказанья.

ВЕЛИКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Т казал Джанамеджая, твердый в решенье:
«Устрою великое жертв приношенье,

Но прежде чем род уничтожу змеиный,
Хочу я узнать злодеяний причины,

Хочу я узнать о царе-государе,
В чьей смерти повинны коварные твари, —

За что он убит, незнакомый с пороком?
Каков его путь, предначертанный роком?

Узнав обо всем, предприиму я отмщенье,
Иначе свершить откажусь я сожженью».

В ответ он услышал от мудрых ученых,
Суровых в обетах, безгрешных в законах:

«Отец твой, властитель с душою открытой,
Народу служил справедливой защитой.

Не знал он таких, кто б его ненавидел,
Он сам никого никогда не обидел.

Он царствовал правильно, радостно, властно,
Богиню земли охранял ежечасно.

Стремился он к благу, чтоб зажили в мире,
Закон соблюдая, все касты четыре*.

Хвалили его и слуга и владелец,
И жрец, и боец, и купец, и умелец

Трудились, блюдя вековые законы,
И царствовал царь, как закон воплощенный.

Любили его бедняки и калеки,
О каждом заботился он человеку,

Великий деянием, праведный словом,
Защитником был он сиротам и вдовам.

Луной, что плывет по небесному своду,
Он людям казался, любезный народу.

Сражался Парикшит, ведомый богами,
С шестью обитавшими в сердце врагами:

То были Гордыня, Стяжание, Чванство,
Алкание, Гнев и Безумие пьянства.

Он жил, побеждая презренные страсти,
Он жил, утверждая бесценное счастье,

Пока не достиг рокового предела
И змей не свершил беззаконного дела.

Царя не спасли ни мольбы, ни ограда,
Отец твой погиб от змеиного яда,

И ты воцарился на этом престоле,
Защитник народного блага и воли».

Ответил им царь, над царями поставлен:
«Был Такшакой-змеем отец мой отравлен.

Но Кашьяпа, знавший от яда лекарство,
На помощь спешил к повелителю царства.

Я знаю, что змею к тому побужденный,
Обратно отправился дваждырожденный.

А было в лесу и безлюдно и глухо.
Так кто же, скажите, до вашего слуха

Довел о беседе святого со змею?
Ответьте, и в сердце отмщенье взлелею».

Советники молвили мудрые речи:
«Узнай же, о царь справедливый, о встрече

Коварного змея с подвижником славным,
С великим жрецом, с мудрецом богоравным.

Сказал исцелителю змей непотребный:
«О, если ты силой владеешь целебной,

То дерево, друг мой, тогда оживи ты:
Сейчас я кору укушу, ядовитый».

Не знали ни лекарь, ни змей пестрокожий,
Что был на смоковнице некий прохожий.

Он сучья ломал, на верхушку забрался:
Он жертвенным топливом там запасался.

Сожженный отравой змеиною, злою,
Он сделался с деревом вместе золою,

Но с деревом вместе его оживила
Премудрого Кашьяпы светлая сила.

Сей пепел, и тело и душу обретший,
Как дерево, снова для жизни расцветший,

В наш город пришел, рассказал без обмана
О том, что от змея узнал и брахмана.

О царь, опечаленный этим рассказом,
Ты действуй теперь, как велит тебе разум».

Познал Джанамеджая горькие муки,
Снедаемый скорбью, ломал себе руки,

А лотосы — очи — росой заблестали...
Советникам славным сказал он в печали:

«Предам я сожжению Такшаку-змея.
За гибель отца уничтожу злодея.

Змеиного рода начну истребленье:
Я вижу, что змей велико преступленье.

Сгорел мой отец, повелитель державы,
Сожгло его пламя змеиной отравы.

Врагам уготовлю такую ж кончину:
Я в пламя змеиное племя низрину.

Теперь совершу я земли очищенье,
Теперь принесу я огню приношенье,

Согласно заветам, что мира древнее,
Огню будут преданы злобные змеи».

Сказал он жрецам: «Для такого обряда
Все то, что потребно, устроить вам надо».

Тогда-то пришли, как велел повелитель,
И жрец-охранитель, и жрец-исполнитель.

Избрали равнину под радостным небом,
Обильную солнцем, плодами и хлебом.

Воздвигли, чтоб род уничтожить змеиный,
Огромный алтарь посредине равнины.

Затем, после долгих трудов и усилий,
Они Джанамеджаю благословили:

«Да будет угодно твое приношенье, —
Змеиного, злобного рода сожженье».

В числе неисчетном явились брахманы,
Свершавшие подвиг добра неустанный.

Они разместились удобно, в прохладе,
И речь повели о великом обряде.

Приблизился день, для него наилучший.
Случился тогда непредвиденный случай.

От главного зодчего, старца благого,
Услышал властитель правдивое слово:

«То место, что выбрано вами, прекрасно,
Но жертвенник здесь возвели вы напрасно.

Такое назначив ему положенье,
Не сможете змей завершить всесожженье.

Подвижник придет, неизвестный доселе,
Не даст вам достигнуть задуманной цели».

Сказал Джанамеджая в сильной тревоге:
«О стражи, приказ мой исполните строгий,

Сюда, к мудрецам, искушенным в законе,
Не должен пройти ни один посторонний».

Меж тем, в одеяниях черного цвета,
Жрецы приготовились к делу обета.

Явились прислужники с маслом топленным.
Тотчас на равнине запахло паленым.

Пылаение вспыхнуло неотвратимо.
Глаза у жрецов покраснели от дыма.

Они совершили огню возлиянье,
Они возгласили свое заклинанье:

«Летите, как ветер, ползите, как тучи,
Как яркие молнии, станьте летучи,

Сюда, на алтарь, устремитесь быстрее,
О злобные змеи, кусливые змеи!

Спешите лесами, лугами, полями,
Сегодня сожрет вас великое пламя.

Вы будете пожраны Агни-владыкой,
Он — бог семипламенный, семязыкий!»

В садах, где возвысился жертвенник дымный,
Тогда зазвенели молитвы и гимны.

Жрецы повторяли свои заклинанья,
Подняв в государстве змеином стенанья,

Заставив спокойно дремавших проснуться,
А самых жестоких и злых — содрогнуться.

И змеи, своим побужденные роком,
На гибель, на смерть устремились потоком.

Ползли, не желая, ползли они в страхе,
Вельможи, ученые, стражи, монахи,

Врачи, палачи, песнопевцы, гуляки,
Творившие зло на свету и во мраке.

Единые в счастье, различные в горе,
Добычею пламени сделались вскоре.

Одни, умирая, тоскливо зывали,
Иные друг друга хвостом обвивали,

Одни извивались и падали с треском,
Другие исполнились молнийным блеском,

Там с телом сплеталось горящее тело,
Казалось, что в пламени пламя горело.

Пугаясь, одни издавали шипенье,
А те низвергались в огонь в нетерпенье,

Одни уцепиться за камень старались,
Другие растеньями там притворялись,

А третьи как нить растянулись тугая,
Беспомощных, дряхлых вперед пропуская.

Четвертые в скользкие кольца скрутились,
От зла отрешились, в длине сократились,

А пятые, страхом объятые жгучим,
Самих себя жалили жалом могучим.

Шестые бороться хотели с судьбою,
Но были не властны уже над собою.

Огонь полыхал, становился суровой.
Иные белели, как хобот слоновий,

Другие, как черные крысы, чернели,
Как молнии, третьи, блестя, пламенели.

Различные силой, окраскою кожи,
Одни — со слонами безумными схожи,

А те оказались породю мелкой,
А те — как дубины с железной наделкой,

А те, еле видные, в травке сокрыты,
Но все двоедушны, но все ядовиты!

Так двигались к пламени змеи любые,
Зеленые, черные и голубые,

Их множество было — усердных и праздных,
Красивых, надменных, простых, безобразных,

Но сильных и слабых друг с другом сближало
С губительным ядом смертельное жало!

Ползли, и ползли, и ползли миллионы, —
Поток бесконечный, огнем поглощенный.

Они, материнскою прокляты властью,
Ползли, пожираемы огненной пастью.

Что было для чистого сердца страшнее,
Чем гнусные змеи, коварные змеи?

А ныне смотрели живые творенья,
Как топливом стали они для горенья.

Те самые змеи, сообщество злое,
Что ужас на все наводило живое, —

Бессильны, безвольны, покорны, трусливы,
Теперь устремлялись в огонь справедливый.

А пламя забыло про отдых и роздых,
Наполнился запахом тления воздух,

И реки змеиною мозга и жира
Текли по дорогам смятенного мира,

И змеи стонали, и твари живые
Преступников плач услышали впервые.

Огонь бушевал, полный силы смертельной.
Почувствовал Такшака страх беспредельный.

Стонал он, метался, покоя не зная.
Он думал: «Как прежде, поможет мне майя.

Я стану брахманом, прибегнув к обману.
О нет, червяком я безвредным предстану!»

Но Такшаки сила ушла без остатка.
Уже душегуба трясла лихорадка.

Беспомощным он становился в обмане,
Как раб, он внимал голосам заклинаний,

Он видел, что скоро утратит он волю
И сам изберет себе страшную долю.

Тогда поднатужился змей ядовитый
И двинулся к Индре, желая защиты.

«О Индра, — сказал он властителю влаги, —
Прошу я, прибежище дай мне, бедняге,

От Агни спаси меня, Индра великий, —
Он хочет пожрать меня, многоязыкий!»

Сказал громовержец дрожащему змею:
«Не бойся, тебя защитит я сумею.

В чертоге моем, где дожди и туманы,
Тебе не страшны ни огонь, ни брахманы!»

Был змей осчастливлен подобным ответом...
Главу Махабхараты кончим на этом.

ПОДВИГ АСТИКИ

Меж тем не смолкали заклятья, моленья,
И жертвы стремились в огонь истребленья.

Алтарь справедливое пламя возвысил,
Чтоб змей сосчитать, не хватило бы чисел,

Ползли, и ползли, и ползли миллионы, —
Сменялся потоком поток истребленный.

Он корчился в пламени, род ядовитый,
И Васуки вскоре остался без свиты.

Унынье змеиным царем овладело.
«Сестра! — застонал он. — Горит мое тело,

Трепещет душа, и колеблется разум,
Я гибну, покорный священным приказам,

Весь мир говорит о конце моем скором,
Не вижу я света блуждающим взором,

Уже разрывается сердце на части,
И сам над собою не чувствую власти,

Готов я, с моими подвластными вместе,
Низринуться в пламя пылающей мести.

Ты видишь, я гасну, дрожа и стеная.
Поведай же милому сыну, родная,

Что он упование мое и спасенье,
Что он, только он прекратит всеожженье!»

И сыну сказала тогда Джараткару:
«Иди, отврати беспощадную кару».

Воззвал к нему Васуки: «Астика милый,
Ты видишь, лишился я воли и силы,

Не вижу, не знаю, где стороны света,
Молюсь я творцу — и не слышу ответа».

Племянник ответил несчастному змею:
«Теперь успокойся. Твой страх я развею».

Спасу я от пламени пышущей мести
Творенья, что преданы правде и чести.

Да будет погибель одним лишь виновным,
Не должно возмездию быть поголовным.

Иду я, борьбу объявляя насилью,
Огонь задушу я водою и пылью».

Отправился Астика, юный годами,
Туда, где огонь пламенел над садами.

Увидел он дивное место обряда,
Вокруг широко простиралась ограда,

Увидел брахманов, скопление народа,
Увидел он издали, стоя у входа,

Как змей обреченных ползли миллионы, —
Алтарь привлекал их, огнем озаренный,

Единые в счастье, различны в несчастье,
Ползли и в огне распадались на части.

Впилося в его сердце страдания жало,
Но мальчика стража тогда задержала.

Стремясь Джанамеджаи дело исправить,
Решил он сожженье стихами восславить.

Услышали царь, и народ, и брахманы,
И грозный алтарь, и огонь первозданный,

Который горел средь равнины безбрежной,
Мальчишеский голос, могучий и нежный:

«О царь, чья прославлена всюду отвага,
Жрецы, что живут для всемирного блага,

Огонь, что блесит, как луна и созвездья, —
Творите вы славное дело возмездья.

Но знайте, существ совершая сожженье,
Что жизнь есть несчастье, что жизнь есть
мученье.

Возможно ли муку убить самовластьем?
Возможно ли горем бороться с несчастьем?»

«Сей мальчик, — сказал властелин
удивленный, —
Умен, как мудрец, сединой убеленный.

Быть может, не мальчика слышим призывы,
Быть может, то старец пришел прозорливый.

Прошу я, брахманы, у вас разрешенья:
Его допустите к обряду сожженья.

Он мальчик, но знанием равен он старым.
Его одарю я каким-нибудь даром».

Брахманы ответили словом единым:
«Жрецов почитать надлежит властелинам.

Хотя он и мальчик, познал он законы.
Почета и славы достоин ученый.

За мудрость его мы допустим к обряду.
Пусть примет, какую захочет, награду.

Чудесного мальчика, царь, одари ты,
Лишь явится Такшака, змей ядовитый».

Хотел было царь молвить мальчику слово:
«Не жаль для тебя мне подарка любого», —

Но жрец-возглашатель, в душе недовольный,
Сказал: «Не спеши ты, о царь своевольный!

Еще в наше пламя, живому враждебный,
Не ринулся Такшака, змей непотребный».

Сказал Джанамеджая мудрым брахманам:
«Сожженью служите служением рьяным.

Свои заклинанья и гимны возвысьте,
К гибели Такшаку-змея приблизьте».

Сказали брахманы: «Открылось нам в гимнах,
В сверкании пламени, в угольях дымных,

Что прячется Такшака гнусный вне дома,
В обители Индры, властителя грома».

Брахманы, обильные мощью познанья,
Усилили гимны, мольбы, заклинанья,

И пламя, хранимое вечным законом,
Почтили, насытили маслом топленным.

Внезапно увидели: по небу мчится,
Сверкая, громами гремя, колесница.

То Индра летел, окружен облаками,
Небесными девами, полубогами.

Летел он, жрецов услышав призыванья,
Летел он, а в складках его одеянья,

Где тучи простерлись могучим размахом,
Змей Такшака прятался, мучимый страхом.

Сказал повелитель, о правде радея:
«Жрецы, если Индра скрывает злодея,

То в чистое пламя пылающей мести
Вы Индру низвергните с Такшакой вместе».

Жрецы отвечали: «О царь, погляди-ка,
Внимает нам грома и молний владыка.

Святых заклинаний и он побоится!
Смотри, удалилась его колесница,

Он выпустил змея, тобой уstraшенный.
Ты слышишь ли Такшаки вздохи и стоны?

Лишился он силы от наших заклятий,
Он в пламя летит, что гудит о расплате.

Ты видишь ли змея предсмертные корчи?
Он крутится в воздухе, будто от порчи,

По тучам он катится, как по ступеням,
Шипит он могучим и страшным шипеньем,

Сейчас он погибнет, сгорит в униженье, —
Как должно, проходит злодеев сожженье,

И ты, не боясь никакого обмана,
Теперь одари молодого брахмана».

Сказал Джанамеджая: «Гость безобидный,
По-детски невинен твой лик миловидный!

Чего ты желаешь? Мне будет нетрудно
Отдать даже то, что отдать безрассудно.

Что выбрал ты сердцем, мудрец несравненный?
Скажи мне, я дам тебе дар вожделенный».

Над жертвенным пламенем Такшаки тело,
Как пламя, уже извивалось, блестело,

Уже нечестивец, покинут сознаньем,
Готов был упасть, побежден заклинаньем,

Но Астика вскрикнул с мальчишеским жаром:
«О царь, лишь одним одари меня даром, —

Сожженья обряд прекрати поскорее
И пусть в это пламя не падают змеи!»

Сказал повелитель, весьма огорченный:
«Огонь да не гаснет, для блага зажженный!

О праведник, просьба твоя тяжела мне.
Возьми серебро, драгоценные камни,

Тебе, может, золота множество надо,
Священных коров я отдам тебе стадо,

Но только для змей ты не требуй прощенья,
Не требуй святого огня прекращения!»

Слова мальчугана в ответ зазвенели:
«О царь, золотых не хочу я изделий,

Камней, серебра и коров мне не надо,
Хочу одного: прекращения обряда.

Ты видишь: заклятьям брахманов подвластны,
Уже устремляются в пламень ужасный

Не только убийцы, лжецы, лиходеи,
Но также и добрые, честные змеи».

Взглянули жрецы и властитель державы,
Увидели: змеи — двуглавы, треглавы,

Одни — о семи головах, а другие —
Безглавые, пестрые кольца тугие,

Одни — словно гордые горные цепи,
А те — словно долгие, душевные степи,

Свиваясь хвостами, сплетаясь телами,
Шипя, низвергались в безгрешное пламя.

Различны они становились в несчастье,
Пылающий яд источали их пасти,

Пылал он, вливаясь в огонь справедливый,
Где меркли горящего яда извивы.

За этими гнусными змеями следом,
За сыном отец и внучонок за дедом —

Невинные змеи стекались в печали,
Лишенные жала, гореть начинали!

А в воздухе ясном над жаркой равниной,
Над этой великою смертью змеиной,

Змей Такшака, мучимый страхом сожженья,
Не падая в пламя, повис без движенья.

Хотя непрерывно лилось возлиянье,
Хотя бушевало святое пыланье,

Хотя он и был у заклатья во власти,
Хотя и стремился он к огненной пасти, —

Застыл он без воли, застыл он в безумье,
И вот властелин погрузился в раздумье.

Спросил он, могучий в деяниях битвы:
«Ужель недостаточны ваши молитвы,

Ужель недостаточны ваши стремленья,
Чтоб Такшаку ввергнуть в огонь истребленья?»

Сказали жрецы: «Это Астики сила
Падение Такшаки остановила.

«Стой, стой!» — он сказал, повторив
тремякратно:
Заклятье жреца стало Такшаке внятно.

Боязнь охватила безумного змея,
Он в воздухе ясном застыл, каменея,

Как путник, которому всюду преграда,
Когда он стоит средь коровьего стада.

Сказал Джанамеджая, царства блюститель:
«Друзья мои, мезтью насытился мститель.

Да будет исполнено Астики слово,
Оно — милосердного дела основа.

Отныне мы змеям даруем прощенье,
Великое мы прекращаем сожженье.

Но в память о пламени, нами зажженном,
Но в память об Астике дваждырожденном,

Который нам путь указал к милосердью, —
Пусть в воздухе ясном, под синию твердью

Змей Такшака злобный до сумрака стынет,
Пока его ветер полночный не сдвинет!»

Когда раздалось повеленье владыки,
Восторга и счастья слышались клики,

Слышались громкие рукоплесканья
Всего озаренного благом собранья.

Брахманы, довольны деянием правым,
Огонь прекратили согласно уставам.

Сказали: «Ты, Астика, твердый в решенье,
Свершил величайшее в мире свершенье,

Свершенье любви, милосердия, блага,
И в этом и сила твоя и отвага,

Ты — Астика, ты — Существующий Вечно,
Затем, что свершенье твое — человечно!»

Все были довольны: и царь, и брахманы,
И Астика, дар получивший желанный.

Пришел он домой, завершив свое дело.
Змеиное племя теперь поредело.

Объятые страхом легли, цепenea,
Вкруг Васуки — скорбного, дряхлого змея.

Пришел избавитель, настало волнение,
И радость разрушила оцепенение.

Подвижника Васуки мудрый восславил:
«О ты, кто от гибели близких избавил,

О ты, кто пришел, чтобы кончилась кара, —
Скажи нам, какого желаешь ты дара?»

Подвижник ответил такими словами:
«Хочу я, чтоб страха не знали пред вами.

Хочу, чтобы в память о радостном чуде
Познали веселье великое люди.

Да будет в сердцах человечьих отрада
И пусть не боятся змеиного яда!»

Ответили Астике змеи согласно:
«О праведник, то, что сказал ты, прекрасно.

Пусть люди запомнят одно изречение
И скажут потомкам своим в поучение.

Кто скажет заклятье, тот станет сильнее,
Чем самые злые, кусливые змеи:

«Подвижник с душою, для блага раскрытой,
Да будет мне Астика верной защитой,

Несчастных, страдающих друг постоянный,
Да будет мне Астика верной охраной,

Он — Астика, он — Существующий Вечно,
Затем, что деянье его — человечно!»

О добрые люди, пусть этим рассказом
Насытятся чистое сердце и разум.

Кто выслушал этот рассказ от начала,
Не будет бояться змеиного жала.

Начнем его снова рассказывать людям
И страха пред змеями ведать не будем.

Сожжения змей вы прочли описание,
На этом кончается наше сказанье.

КОММЕНТАРИИ

Стр. 5. *Бхàрата* — родоначальник знаменитого рода, истории которого и посвящено основное сказание «Махабхараты».

Вишну — один из трех главных богов триады индуизма, в которую входят: Брахма — бог-творец, Шива — бог-разрушитель и Вишну — бог хранитель всего живого.

Ведическая литература — в это понятие входят веды и вся примыкающая к ним литература. Веды являются древнейшими памятниками индийской литературы, существовавшими, по представлениям индийцев, еще до сотворения мира; фактически их создание относится к периоду разложения в Индии родового строя и датируется приблизительно серединой второго тысячелетия до нашей эры. Веды объединены в четыре сборника поэтических гимнов: «Ригведа», «Самаведа», «Яджурведа» и «Атхарваведа». С каждым из этих сборников связана обширная литература более позднего происхождения, которая выросла из комментирования заключенных в ведах поэтических гимнов, религиозных и философских идей и т. п.

Касты. — В древней Индии население по сословиям делилось на четыре касты, или варны: брахманы — жрецы, священнослужители; кшатрии — воины и правители; вайшьи — торговоремесленное сословие; шудры — земледельцы; ниже их стояли рабы.

Стр. 6. *Бхаратаварша* — Индия; буквально означает «Страна Бхараты».

Стр. 7. *Буддизм* — религия, возникшая в VI—V веках до нашей эры и названная по имени своего основателя — Будды.

Возникновение буддизма явилось выражением пассивного протеста закабаленных масс против кастового устройства общества, засилия знати и ее религии — брахманизма, возникшего в X—IX веках до нашей эры. Со временем реакционные черты буддизма усиливаются, Будда начинает почитаться божеством, а учение буддистов о непротивлении злу насилем используется в интересах господствующих классов. С IV—III веков до нашей эры буддизм становится государственной религией Индии и распространяется на ряд соседних стран.

Джайнизм — возник приблизительно в VI веке до нашей эры. В противовес брахманам, отражавшим интересы господствующего класса и требовавшим исполнения всех религиозных ведических ритуалов, кшатрии выступили с новым учением — джайнизмом, отрицавшим богов и авторитет вед, что привлекло на их сторону часть угнетенных и закабаленных трудящихся. В основу джайнизма легли многие положения буддизма.

Стр. 8. *Калидаса* — великий индийский поэт и драматург, жил в V веке нашей эры.

Стр. 9. *Ганга* — в индийских языках река Ганг женского рода, именно поэтому в мифологии она выступает в образе прекрасной юной женщины.

Стр. 10. *Гандхарвы* — небесные певцы и музыканты, умевшие, однако, держать в руках и оружие.

Стр. 11. *Шудра* — см. прим. к стр. 5, касты.

Стр. 18. *Асуры* — демоны. В ведическую эпоху асуры почитались добрыми божествами.

Стр. 23. *Дваждырожденными* назывались представители трех высших каст: брахманы, кшатрии и вайшьи. Они могли получить образование, а это расценивалось как второе, духовное, рождение.

Сута — возница, представитель воинской касты. Сопровождая своих повелителей на битву, суты бывали свидетелями их боевых подвигов и воспевали их.

Стр. 24. *Кашьяпа* — древний ведический мудрец-поэт. Согласно легендам, почитается внуком бога Брахмы.

Стр. 25. *Мудрецы, ростом с маленький палец* — разряд мифических мудрецов-пигмеев. Они почитаются у индусов благочестивыми и сопровождают колесницу Солнца, сверкая, как его лучи, и питаясь ими.

Стр. 30. *Аруна* — в индийской мифологии считается возницей Солнца и олицетворяет собой зарю.

Стр. 31. *Белый божественный конь* — конь Индры, бога-воителя; вышел из глубин при пахтании богами океана, когда они добывали амриту.

Стр. 34. *Мèру* — название мифической горы, на которой расположены небо Индры и города богов с их небесными обитателями. Согласно индийской мифологии, гора Меру находится в Гималаях.

Стр. 35. *Нарàяна* — одно из воплощений бога Вишну.

Стр. 36. *Царь черепах* — одно из воплощений бога Вишну.

Стр. 38. *Богиня вина* — в индийской мифологии богиня Сура.

Богиня красоты — богиня Лакшми, супруга бога Вишну.

Врачующий бог — Дханвантари, врачеватель богов; почитался у индусов учителем врачевания.

Стр. 39. *Грозный диск* — огненное оружие, которое Агни (пожиратель жертв и бог огня) подарил Вишну (Нараяне).

Стр. 63. *Яма* — бог смерти и подземного царства.

Стр. 66. *Майя* — божественная иллюзия, творческая сила высочайшего божества, якобы создающая мир, который, будучи ей подвластен, имеет призрачное, иллюзорное существование.

Стр. 70. *Сарàма* — в индийской мифологии собака бога Индры, считается матерью всех диких животных.

Стр. 75. *Властелины дневной и вечерней зари* — в индийской мифологии божества-близнецы Ашвины.

Стр. 120. *Стремительный бог любви* — в индийской мифологии бог Кама (Камадева); он изображается в виде прекрасного юноши, сидящего на попугае, с луком из сахарного тростника, тетивой из пчел и цветочными стрелами.

Стр. 129. *Все касты четыре* — см. прим. к стр. 5, касты.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>В. И. Кальянов.</i> Предисловие	5
--	---

С О Ж Ж Е Н И Е З М Е Й

Вступление	23
Проступок Индры-громовержца	25
Кадру обращает Винату в рабство	29
О том, как добыли амриту	34
Гаруда решает похитить амриту	41
Гаруда освобождает Винату от рабства	46
Юноша Шрингин проклинает царя Парикшита	52
Преступление змея Такшаки	60
Три ученика мудрого старца	69
Приключения Уттанки, ученика Веды	80
Совет змей	92
Подвижник Джараткару и его предки	99
Джараткару-подвижник и Джараткару-змея	107
Астика дваждырожденный	115
О добрых змеях	119
Великое жертвоприношение	128
Подвиг Астики	137
Комментарии	147

С О Ж Ж Е Н И Е З М Е Й
СКАЗАНИЕ ИЗ ИНДИЙСКОГО ЭПОСА
МАХАБХАРАТА

Редактор *Вл. Быков*
Художественный редактор *Г. Клодт*
Технический редактор *В. Овсеенко*
Корректор *М. Доценко*

*

Сдано в набор 6/V 1958 г.
Подписано в печать 12/VII 1958 г.
Бумага 84 × 108¹/₃₂ — 4,75 печ. л. = 7,79 усл.
печ. л. 5,71 уч.-изд. л. Тираж 20 000 экз.
Заказ № 1763. Цена 3 р. 80 к.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

*

Ленинградский Совет народного хозяйства
Управление полиграфической промышленности
Типография № I «Печатный Двор»
имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26

